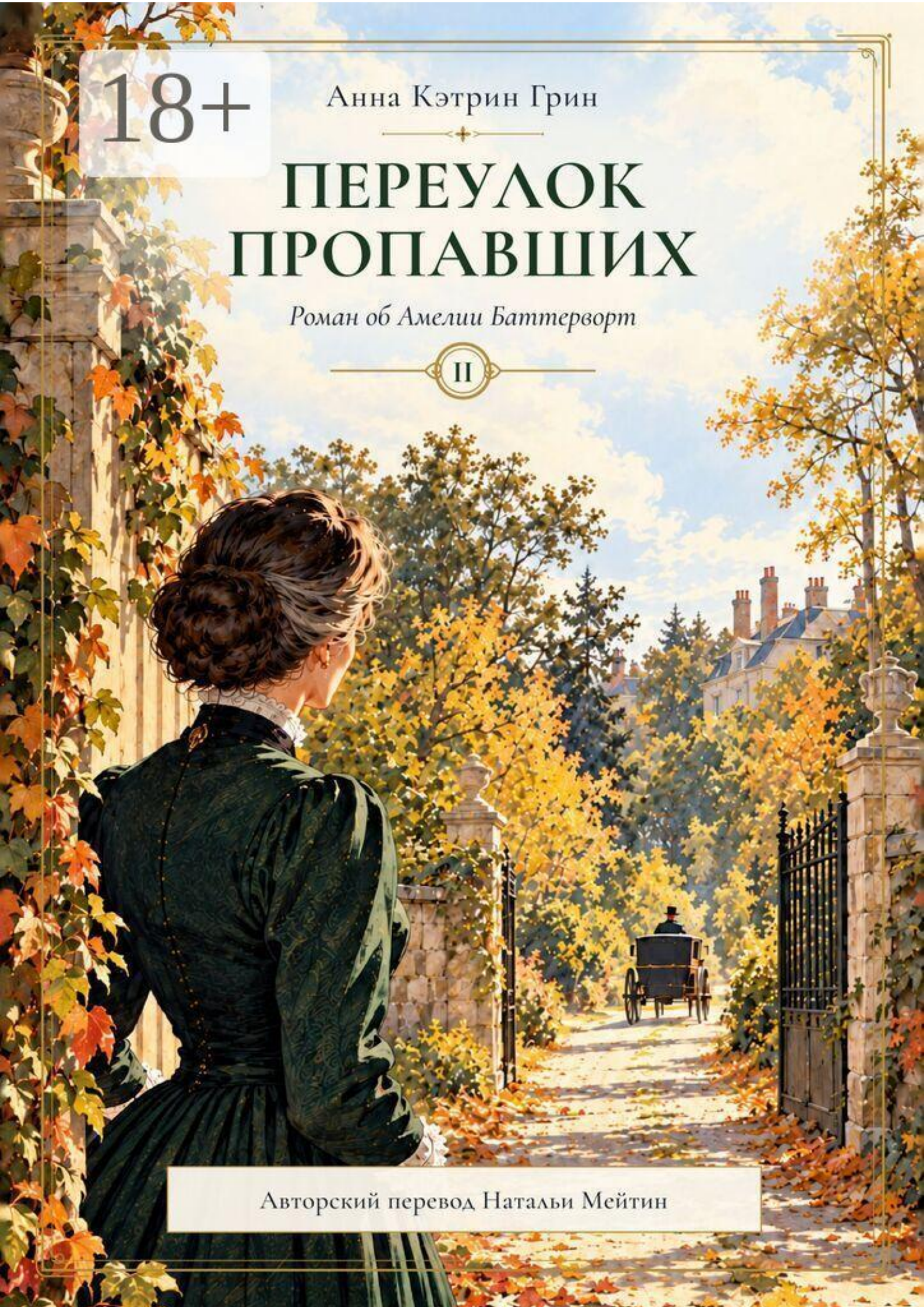
18+

Анна Кэтрин Грин

ПЕРЕУЛОК ПРОПАВШИХ

Роман об Амелии Баттерворт

II

Авторский перевод Натальи Мейтин

Анна Кэтрин Грин

Переулок пропавших

«Издательские решения»

Грин А.

Переулок пропавших / А. Грин — «Издательские решения»,

В тихом городке пропадают люди, и всё на одной лесной дороге. Говорят, по ночам там проезжает беззвучная карета-призрак. Сыщику Грайсу нужен человек, которого никто не заподозрит, и мисс Баттерворт, прекрасно понимая, что её провели, едет. Старый дом, странное семейство Ноллис и большая собака, которой она боится, но ни за что в этом не признается. Второй роман об Амелии Баттерворт. Авторский перевод Натальи Мейтин.

© Грин А.
© Издательские решения

Содержание

Книга I. Семейство Ноллис 6
Глава I. Визит мистера Грайса 6
Глава II. Меня искушают 8
Глава III. Я не устояла 15
Глава IV. Призрачные покои 21
Глава V. Странные домочадцы 24
Глава VI. Мрачный вечер 27
Глава VII. Первая ночь 30
Глава VIII. На лестнице 33
Глава IX. Новое знакомство 35
Глава X. Тайные указания 39
Глава XI. Мужчины, женщины и призраки 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Переулок пропавших

Анна Кэтрин Грин

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Анна Кэтрин Грин, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-6166-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Anna Katharine Green. *Lost Man's Lane*. New York, 1898
Перевод с английского, эпиграфы к главам и примечания — Натальи Мейтин
© Н. Мейтин, перевод, 2026

Книга I. Семейство Ноллис

Глава I. Визит мистера Грайса

Когда старый знакомый приходит к тебе повздыхать, налей ему чаю — и не верь ни одному вздоху.
— Из правил мисс Баттерворт

С тех пор как я оказалась причастна — к счастью или, вернее сказать, к несчастью? — к нашумевшему делу об убийстве на Грамерси-парк, многие мои друзья, а заодно и кое-кто из недругов, не раз давали мне понять: женщина, которая добилась в сыскном деле такого успеха, как я, ни за что не удовольствуется одним-единственным случаем показать свои таланты и рано или поздно непременно возьмётся за какое-нибудь новое, из ряда вон выходящее дело.

Тщеславие никогда не было моей слабостью. К тому же я никогда не сворачивала и, смею надеяться, не сверну с прямой дороги, которая отведена моему полу, — разве что по зову долга. Поэтому на все подобные намёки я неизменно отвечала любезной, но недоверчивой улыбкой и старалась простить друзьям их самонадеянность: откуда им было знать мой характер и те превосходные причины, по которым я единственный раз вмешалась в дела нью-йоркской полиции. Улыбку эту я отрепетировала перед зеркалом и могу сказать без ложной скромности, что она мне удаётся.

Кроме того, хотя со стороны казалось, будто я мирно — пусть и не вполне довольная — почиваю на лаврах, от прежней атмосферы преступлений и сыска я была отрезана вовсе не так окончательно, как полагал свет. Мистер Грайс по-прежнему меня навещал — разумеется, не по делу, а как друг, к которому я питала некоторое расположение. И, понятно, беседовали мы не об одной только погоде и даже не об одной городской политике, хотя последняя и даёт превосходный повод для здорового спора.

Не то чтобы он выдавал служебные тайны — о нет, этого от него ждать не приходилось. Но порой он касался внешней стороны какого-нибудь громкого дела, и хотя советов я ему никогда не давала — смею надеяться, для этого я достаточно благоразумна, — такие беседы держали мой ум в отличной форме. Он многое от меня получал, хотя в том не признавался, а я многое давала, хотя делала вид, будто сама этого не замечаю.

Словом, жизнь казалась мне приятной и полной интереса, как вдруг (ожидать этого у меня не было никаких оснований, и я не корю себя ни за то, что не ожидала, ни за то, что так высоко держала голову, выслушивая пророчества друзей) мне представился случай снова пустить в ход свой сыскной талант — и на поприще, словно нарочно уготованном мне Провидением. Отказаться, как мне казалось, значило бы пренебречь волей Высших сил. Теперь-то я вижу, что поприще это уготовило мне вовсе не Провидение, а мистер Грайс и что, вступая на него, я повиновалась чему угодно, только не зову долга.

Впрочем, я выражаюсь туманно. Как-то вечером мистер Грайс пришёл ко мне, и выглядел он старше и немощнее обычного. Он занят запутанным делом, сказал он, и ему недостаёт прежней энергии и упорства. Не угодно ли мне послушать? Дело не совсем по его части, но в нём есть свои особенности, и — что уж там! — ему полегчает, если он поговорит о нём с особой, не причастной к сыску, но способной понять, сколько в этом деле загадочного и тревожного, — с особой, которой к тому же никогда не придётся напоминать, что надо держать язык за зубами.

Мне бы насторожиться. Я достаточно знала этого старого лиса и должна была понять: раз уж он так явно лезет из кожи вон, чтобы посвятить меня в свои секреты, значит, у него есть на

то причина. Но и на старуху бывает проруха — так, по крайней мере, уверяет народная мудрость. К старухам я себя, разумеется, не причисляю. Но если уж пословица прощает проруху даже им, то Амелии Баттерворт подобная оплошность и подавно простительна.

— Преступление не городское, — продолжал мистер Грайс и тут имел низость вздохнуть. — В мои годы это немаловажно. Мне уже не так просто уложить саквояж и отправиться в какую-нибудь глушь, чуть ли не в горы, где удобств мало, а сохранить тайну невозможно. Без удобств мне в мои семьдесят уже не обойтись, а тайна… Что ж, если какое дело и требует осторожности, так это. Вы сами увидите, если позволите изложить вам факты в том виде, в каком они известны на сегодняшний день в Главном полицейском управлении.

Я поклонилась, стараясь не выдать ни удивления, ни крайнего своего удовлетворения. Про немощь я тоже поверила ему на слово: в тот вечер я вообще была на редкость доверчива. Мистер Грайс принял самый благодушный вид (у него это всегда опасный признак) и начал свой рассказ.

Глава II. Меня искушают

Лесть следует отвергать немедленно. Карту нужно сначала рассмотреть.

— Из правил мисс Баттерворт

— Милях в девяноста отсюда, в местах довольно глухих, есть небольшой, но примечательный городок. Там случилось столько необъяснимых исчезновений, что им наконец заинтересовалась нью-йоркская полиция. Городок этот лежит по меньшей мере в двух милях от железной дороги. Это один из тех тихих, безмятежных уголков, какие изредка попадаются в горах: жизнь там простая, а преступление, судя по всему, настолько не вяжется со всем остальным, что кажется полной нелепостью. И всё же преступление — или какая-то другая жуткая тайна, едва ли менее отвратительная, — повинно в том, что за последние пять лет в этом городке или поблизости пропали четыре человека разного возраста и рода занятий. Трое были приезжие, а четвёртый — известный всей округе бродяга, который скитался по холмам и кормился щедростью фермерских жён. Все четверо — мужчины, и ни разу не обнаружилось ни малейшей нити, которая указала бы, что с ними сталось. Вот в каком положении дело на сегодняшний день.

— Дело серьёзное, — заметила я. — Сдаётся мне, я читала о подобном в романах. Нет ли там поблизости полуразвалившегося постоялого двора, где кровати стелют прямо над люками?

Его улыбка кротко протестовала против моего легкомыслия. Напрасно. Романов я не читаю: их читает Лена, а я только слушаю, пока она меня причёсывает.

— Я сам побывал в этом городке. Постоялого двора там нет, есть удобная гостиница самого прозаического толка, и держит её простодушнейший и откровеннейший из хозяев. К тому же исчезновения эти, как правило, случались не ночью, а средь бела дня. Представьте себе нашу улицу в полдень. Она короткая, вы знаете на ней каждый дом и думаете, что знаете каждый закоулок. Вы видите, как человек входит на неё с одного конца, и ждёте, что он выйдет с другого. Но он не выходит. Мало того: о нём никто больше никогда не слышит, и на одной этой улице такое случается четыре раза за пять лет.

— Я бы переехала, — сухо ответила я.

— Вот как? Многие почтенные люди уже уехали оттуда, но делу это не помогло. Исчезновения продолжаются, а тайна остаётся тайной.

— Вы меня заинтересовали, — сказала я. — Если подумать, случись на нашей улице такая череда необъяснимых ужасов, какую вы описали, я бы, пожалуй, не переехала.

— Я так и думал, — коротко отозвался он. — Но раз уж вам интересно, позвольте изложить всё подробнее. Первым, чьё исчезновение заметили…

— Постойте, — перебила я. — У вас есть карта этого места?

Он улыбнулся и весьма дружески кивнул фигурке на каминной полке, которая в былые дни имела честь выслушивать его признания, но карты не достал. Фигурка, верная своим правилам, промолчала.

— Это подождёт, — сказал он. — Позвольте мне продолжить. Так вот, мадам, первым, чьё исчезновение заметили в тех местах, был разносчик мелочного товара, исходивший горы вдоль и поперёк. На этот раз он задержался в городке дольше обычного и, как было известно, распродал добрую половину товара, а значит, при нём была изрядная сумма. Однажды его короб нашли в лесу под кустами, но о нём самом никто больше ничего не слышал. Несколько дней, пока в лесу искали тело, люди волновались, но ничего не нашли, о разносчике забыли, и всё пошло по-прежнему. И вдруг общественное внимание всколыхнулось снова: посыпались письма с расспросами о молодом человеке, которого послали туда из Дулута собрать сведения

по судебному делу. С определённого дня он перестал писать в свою контору и не появлялся ни в одном из мест, где его знали. Городок тотчас поднялся на ноги. Многие помнили молодого человека, а двое-трое жителей даже припомнили, как он шёл вверх по улице с саквояжем в руке, будто направлялся на Горную станцию. Хозяин гостиницы мог назвать точный день, когда тот от него съехал, однако на станции никто не мог подтвердить, что он сел там в поезд, и самые дотошные розыски так ни к чему и не привели. Больших денег при нём, насколько известно, не было, зато были очень красивые часы и перстень немалой цены; однако ни то ни другое так и не всплыло ни в одном ломбарде, известном полиции. Это было три года назад.

Следующий подобный случай произошёл лишь через год. На этот раз пропал бедный старик из Хартфорда, и пропал, можно сказать, на глазах у изумлённых жителей. Он приехал собирать подписку на ценную книгу одного известного издательства. Дела у него шли неплохо, и выглядел он весёлым и довольным. Как-то утром, продав книгу на одной ферме, он сел обедать с хозяевами — время близилось к полудню. Он успел проглотить несколько кусков и оживлённо болтал, как вдруг все увидели, что он замер, хлопнул себя по карману и вскочил в сильном волнении. «Я забыл бумажник у дьякона Спира! — воскликнул он. — Мне кусок в горло не пойдёт, пока его нет при мне. Простите, я схожу за ним». И, не тратя больше слов на извинения, выбежал из дому и пустился по дороге к дьякону Спиру. До дьякона Спира он так и не дошёл; не видели его больше ни в том городке, ни дома, в Хартфорде. Это была самая поразительная загадка из всех. В радиусе полумили, в людной сельской округе, человек исчез, словно дорога разверзлась, поглотила его и снова сомкнулась. Это было удивительно, невероятно — и таким осталось даже после того, как местная полиция исчерпала все свои силы. С тех пор у городка пошла дурная слава, и одно-два семейства уехали. И всё же никто не желал признать, что эти люди стали жертвами злого умысла, пока месяц спустя не обнаружился новый случай: молодой человек вышел из городка на станцию на склоне холма и не прибыл ни туда, ни, насколько удалось выяснить, куда-либо ещё. Он приходился дальним родственником богатому скотоводу из Айовы, и тот примчался выяснять судьбу племянника. Страсти разгорелись, и его стараниями, а также стараниями одного из первых граждан городка к делу привлекли наше управление. Но результат — ноль. Мы не нашли ни тел, ни малейшего следа.

— Но вы ведь там были? — заметила я.

Он кивнул.

— Поразительно! И не наткнулись ни на подозрительный дом, ни на подозрительного человека?

Палец, которым он протирал очки, кружил по ободку всё медленнее, всё задумчивее.

— В каждом городке есть подозрительные с виду дома, — медленно проговорил он, — а что до людей, так у самых честных порой бывает такой хмурый вид, что разнузданное воображение без труда углядит в нём вину. Такой наружности я никогда не доверяю.

— Чему же ещё доверять, если дело так непроницаемо, как это? — спросила я.

Палец, кружа всё медленнее, вдруг остановился.

— Своему знанию людей, — ответил он. — Знанию их страхов, их надежд, их личных забот. Будь я лет на двадцать моложе… — тут он бросил на меня в зеркале взгляд, от которого я вскинула голову: неужели он полагал, что я всего на двадцать лет моложе его? — я бы, — продолжал он, — так близко познакомился с каждым мужчиной, женщиной и ребёнком в тех местах, что… — Тут он резко выпрямился. — Но моё время прошло, — сказал он. — Я слишком стар и слишком немощен для подобного предприятия. Я там уже побывал и теперь на примете. Меня выдаёт сама моя походка. Тот, кому посчастливится заглянуть этим людям в самое сердце, не должен вызывать ни малейших подозрений, что связан с полицией. Право, не думаю, чтобы теперь это удалось хоть одному мужчине.

Я вздрогнула. Вот уж поистине открыл карты! Ни одному мужчине! Значит, ему нужна помощь женщины. Мысль эта меня рассмешила. Я и не подозревала, что он так самонадеян — и так высоко ценит таланты, столь близкие его собственным.

— Вы не согласны со мной, мадам?

Я была с ним согласна, но мне надлежало блюсти своё немалое достоинство, и потому я лишь окинула его взглядом умеренной строгости.

— Не знаю ни одной женщины, которая взялась бы за подобное, — спокойно заметила я.

— Нет? — улыбнулся он с той снисходительностью, которая так выводит меня из себя. — Что ж, может, такой женщины и не найдётся. Для этого нужны качества весьма незаурядные, признаю.

— Вздор! — воскликнула я. — Не такие уж и незаурядные!

— Право, мне кажется, вы не вполне вникли в дело, — настаивал он со спокойным превосходством. — Люди там — сельская публика лучшего разбора. Многие весьма утончённы. Одно семейство, — тут тон его чуть изменился, — достаточно бедно и достаточно образованно, чтобы заинтересовать даже такую женщину, как вы.

— Неужели! — обронила я с лёгкой отцовской надменностью, чтобы скрыть любопытство, которое, естественно, всколыхнули его слова.

— Именно в таком доме, — продолжал он с непринуждённостью, которая должна была бы меня насторожить: он взялся за дело с тихой решимостью победить, — и найдётся ключ к загадке, о которой мы толкуем. Да, вы вправе удивиться, но это единственное заключение, которое я привёз из… скажем, из Х. Я считаю его довольно важным. Что вы о нём думаете?

— Что ж, — призналась я, — мне хочется взять назад своё «вздор». Чтобы помочь вам в этом деле, и правда нужна женщина незаурядных качеств.

— Рад, что мы до этого дошли, — сказал он.

— Дама, — продолжала я.

— Непременно дама.

Я помолчала. Порой благоразумное молчание язвительнее всяких слов.

— Ну и какая же дама согласится участвовать в подобной затее? — спросила я наконец.

Единственным ответом было постукивание его пальцев по ободку очков.

— Я таких не знаю, — сказала я.

Брови его поднялись, быть может, на волосок, но я уловила скрытую насмешку и на миг забыла о достоинстве.

— Ну нет, — сказала я, — так не пойдёт. Вы имеете в виду меня, Амелию Баттерворт, женщину, которая… впрочем, вряд ли нужно объяснять вам, кто я и что я. Вы позволили себе, сэр… Не делайте невинного лица и, главное, не вздумайте отрицать то, что так явно у вас на уме, не то мне захочется указать вам на дверь.

— В таком случае, — улыбнулся он, — я ничего не стану отрицать. Уходить мне пока не хочется. К тому же кого ещё я мог иметь в виду? Дама гостит у друзей в этом глухом и живописном краю — каких только возможностей не будет у неё, чтобы проникнуть в эту важную тайну, если она, подобно вам, наделена тактом, осмотрительностью, превосходным разумением и опытом, который, пусть не широк и не глубок, всё же даёт ей известную уверенность в себе и бесспорное влияние на того, кому посчастливится получать её советы.

— Полноте! — воскликнула я. Это было одно из его любимых словечек; может быть, поэтому я его и употребила. — Можно подумать, я служу у вас в полиции.

— Вы нам слишком льстите, — почтительно ответил он. — Такой чести мы не заслуживаем.

На это я лишь едва слышно фыркнула. Он полагал, что я, Амелия Баттерворт, поддамся столь откровенной лести! Я повернулась к нему довольно резко и сказала напрямик:

— Вы теряете время. Я не больше намерена вмешиваться в новое дело, чем…

— …были намерены вмешаться в первое, — вежливо, слишком вежливо вставил он. — Понимаю, мадам.

Я рассердилась, но виду не подала: не хватало ещё, чтобы он заметил, что его слова способны меня задеть.

— Ван Бёрнамы — мои ближайшие соседи, — сладко заметила я. — У меня была превосходнейшая причина интересоваться их делами.

— Совершенно верно, — согласился он. — Рад, что вы мне об этом напомнили. Удивляюсь, как я мог забыть.

Тут я рассердилась уже не на шутку и скрыть этого не смогла.

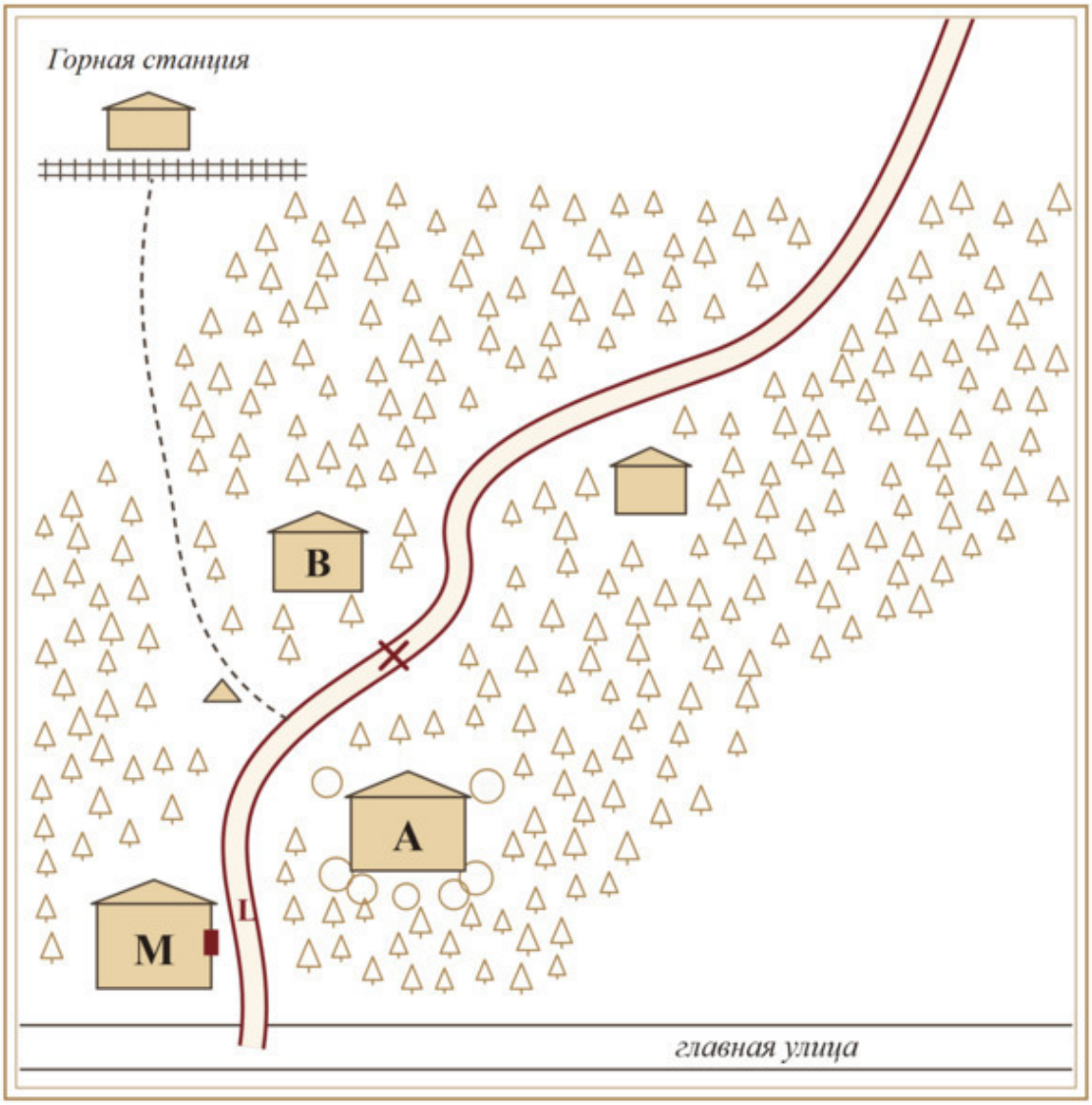
— Поговорим о чём-нибудь другом, — твёрдо сказала я.

Но он и тут не растерялся. Вынул из кармана сложенный листок, развернул его у меня перед глазами и как ни в чём не бывало заметил:

— Прекрасная мысль. Давайте посмотрим вот этот план, который вы так проницательно попросили несколько минут назад. Здесь показаны улицы городка и места, где каждого из названных мною людей видели в последний раз. Ведь это вам и было нужно?

Я знаю, что мне следовало нахмуриться и отстраниться и не позволить себе удовольствия даже взглянуть на листок. Но человеческая природа, которая роднит меня с прочими смертными, взяла своё, и с невольным «Именно!» я склонилась над планом. Рвение своё я изо всех сил старалась — даже в ту волнующую минуту — удержать в границах, подобающих моему положению: я ведь не сыщица, а частное лицо, которое интересуется делом из одного лишь любопытства. Я, как известно, нелюбопытна. Но любопытство бывает праздное, а бывает научное; моё было научное.

Вот что я увидела:

— Мистер Грайс, — сказала я, после того как несколько минут внимательно разглядывала схему, — полагаю, моё мнение вам ни к чему.

— Мадам, — парировал он, — это единственное, о чём вы оставили мне право просить.

Сочтя это разрешением говорить, я положила палец на дорогу, отмеченную крестиком.

— В таком случае, — сказала я, — насколько я могу судить по этому чертежу, все исчезновения случились на этой самой дороге или поблизости от неё.

— Вы, как всегда, правы, — отозвался он. — Это настолько верно, что местные жители уже дали этой извилистой дороге особое прозвание. Вот уже два года её называют Переулком пропавших.

— Вот как! — воскликнула я. — Дошли до этого, а тайну так и не разгадали? Какой длины эта дорога?

— С полмили.

Должно быть, на лице моём отразилось всё, что я об этом думала, потому что он примирительно развёл руками.

— Местность тщательнейшим образом обыскали, — сказал он. — В лесу, что тянется по обе стороны дороги, не осталось ни одного квадратного фута, который бы не осмотрели.

— А дома? Я вижу, на этой дороге три дома.

— О, они принадлежат весьма почтенным людям, весьма почтенным, — повторил он, так многозначительно растягивая слова, что меня внутренне передёрнуло. — Кажется, я уже имел честь намекнуть вам на это несколько минут назад.

Я пристально посмотрела на него и невольно склонилась над схемой поближе к нему.

— И вы ни в одном из этих домов не побывали? — спросила я. — Неужели вы не видели, что у них внутри?

— О, — ответил он, — разумеется, я побывал во всех. Но тайна вроде той, что мы расследуем, не пишется на стенах гостиных и прихожих.

— У меня кровь стынет в жилах, — отозвалась я, что было на меня совсем не похоже. Почему-то при виде домов, отмеченных на схеме, это дело стало мне куда ближе.

Он многозначительно пожал плечами.

— Я же говорил, что это не заурядная тайна, — заявил он, — иначе зачем бы я обсуждал её с вами? Она вполне достойна вашего внимания. Видите дом, помеченный буквой А?

— Вижу, — кивнула я.

— Так вот, это обветшалый особняк внушительных размеров посреди дебрей запущенного кустарника. Дамы, которые в нём живут…

— Дамы! — вставила я, слегка ужаснувшись.

— Молодые дамы, — пояснил он, — утончённого, хотя и не слишком благополучного вида. Последние представительницы довольно известного семейства. Отец их, кажется, был судьёй.

— И они живут там одни, — спросила я, — две молодые дамы в таком огромном доме и в таких загадочных местах?

— О, при них брат, неотёсанный малый, ничем не примечательный, — небрежно ответил он. Слишком небрежно, подумалось мне.

Я мысленно взяла дом А на заметку.

— А кто живёт в доме В? — спросила я затем.

— Некий мистер Тром. Вы, верно, помните: это его стараниями к делу привлекли нью-йоркскую полицию. Усадьба у него одна из самых интересных в городке, и уезжать ему не хочется, но придётся, если дорога в скором времени не избавится от дурной славы. И дьякону Спиру тоже. Теперь эту дорогу обходят стороной даже дети. Не знаю места пустыннее.

— Я вижу тут, на опушке, маленькую пометку. Что она значит?

— Это хижина — домиком её не назовёшь, — где живёт бедная старуха, которую зовут Матушка Джейн. Безобидная слабоумная, её никто никогда ни в чём не подозревал. Можете убрать палец с этой пометки, мисс Баттерворт.

Я убрала палец, но не забыла, что пометка стоит у самой тропы, которая сворачивает к станции.

— В эту хижину вы тоже заходили, как и в большие дома? — осведомилась я.

— И нашёл, — ответил он, — четыре стены, только и всего.

Я повела пальцем по тропе, о которой только что упомянула.

— Крутая, — заметил он. — Всё вверх да вверх, но обрывов нет. По обе стороны только сосновый лес, а земля густо устлана хвоей.

Палец мой вернулся и остановился на доме, помеченном буквой М.

— А почему здесь поставлена буква? — спросила я.

— Потому что дом стоит в начале переулка. Кто сидит у окна L, видит всякого, кто входит в переулок или выходит из него с этого конца. А у окна всегда кто-нибудь сидит. В доме двое детей-калек, мальчик и девочка, и кто-то из них всегда у этого окна.

— Понятно, — сказала я. И вдруг: — А что вы думаете о дьяконе Спире?

— О, он человек благонамеренный, хотя и не слишком тонкой души. Соседство его не смущает: он, говорит, любит тишину. Надеюсь, когда-нибудь вы познакомитесь с ним сами, — лукаво прибавил сыщик.

Едва он вернулся к запретной теме, я подчёркнуто отстранилась.

— Ваша схема любопытна, — заметила я, — но решения моего она ничуть не изменила. В X. вернётесь вы, и очень скоро.

— Очень скоро? — повторил он. — Кто бы туда ни поехал по этому делу, ехать надо немедленно: сегодня же вечером, а если нельзя, то самое позднее завтра.

— Сегодня вечером! Завтра! — запротестовала я. — И вы думали…

— Неважно, что я думал, — вздохнул он. — Видно, надеяться мне было не на что. — И, сложив карту, он медленно поднялся. — Молодой человек, которого мы там оставили, приносит больше вреда, чем пользы. Вот почему я говорю, что заменить его надо немедля, и кем-то по-настоящему способным. Нужно, чтобы всё выглядело так, будто сыщик из Нью-Йорка уехал.

Я отпустила его самым светским из своих поклонов.

— Я стану следить за газетами, — сказала я. — Не сомневаюсь, что вскоре буду иметь удовольствие прочесть в них о вашем успехе.

Он горестно поглядел на свои руки, с трудом сделал шаг к двери и уныло покачал головой.

Я хранила молчание. Немощь его, замечу, росла с каждым шагом к двери.

Он с трудом сделал ещё шаг и обернулся.

— Кстати, — заметил он, пока я наблюдала за ним с самым непреклонным видом, — я забыл назвать городок, где случились эти исчезновения. Он называется X. и стоит на одном из отрогов Беркширских гор.

С этими словами, оказавшись уже у двери, он откланялся со всей вкрадчивой любезностью, которая отличает его в иные решающие минуты. Старый лис был так уверен в победе, что не стал дожидаться, чтобы её увидеть. Он знал — откуда, теперь мне нетрудно понять, — что в X. я давно грозилась съездить. Там жила семья одной из самых дорогих моих подруг: дети Алтеи Ноллис. Мы дружили в школе, и когда она умерла, я обещала себе, что не пройдёт и нескольких месяцев, как я познакомлюсь с её детьми. Увы! Прошли годы.

Глава III. Я не устояла

Если тебя настойчиво отговаривают от поездки, ехать нужно непременно: от скучного не отговаривают.
— Из правил мисс Баттерворт

В ту ночь искуситель добился своего. Без особого труда он убедил меня, что моему небрежению к детям Алтеи Берроуз нет никаких оправданий. Если уж я была обязана позаботиться о них, когда узнала, что они остались без матери, одни на свете, то теперь, когда над их городком нависла тайна, которая не может не отравлять покой и благополучие всех его жителей, долг этот стал непреложным. Ждать нельзя было ни дня. Я припомнила всё, что слышала о коротком и не слишком счастливом браке бедной Алтеи, и меня тотчас охватило такое жгучее желание узнать, повторилась ли в её дочерях её изящная, но задорная красота — как хорошо я её помнила! — что я и сама не заметила, как начала укладывать чемодан. Чемодан, надо сказать, уложился на удивление быстро — словно только того и ждал.

Я давно никуда не выезжала — тем больше причин было развеяться теперь, — и когда я объявила миссис Рэндольф и прислуге, что уезжаю ранним утренним поездом, в доме поднялся немалый переполох.

Но объяснение у меня было самое лучшее. Я думала о покойной подруге, и совесть не позволяла мне и дальше пренебрегать её милым и, быть может, несчастным потомством. Я много раз собиралась в Х. — и вот теперь поеду. Решения я обычно принимаю внезапно, а приняв, уже не знаю покоя.

Чувствительность моя зашла так далеко, что я достала старый альбом и принялась искать карточки, привезённые из пансиона. Её портрет тоже нашёлся, и, увидев снова тонкие, но дерзкие черты, которые когда-то имели надо мной большую власть, я и правда ощутила нечто вроде угрызений совести. Какой она была проказницей — и какая у неё была воля! И как странно, что, будучи так близки девочками, мы ничего не знали друг о друге, став взрослыми. Чья в том вина — её или моя? Её замужества или моего девичества? Трудно было сказать тогда, невозможно теперь. Я решила больше об этом не думать — разве что как о предостережении. Ничто не должно встать между мною и её детьми теперь, когда мне о них снова напомнили.

Застать их врасплох я не собиралась — во всяком случае, не совсем. Приглашение, которое они прислали мне много лет назад, оставалось в силе, так что мне довольно было телеграфировать, что я решилась наконец их навестить и чтобы они ждали меня с полуденным поездом. Если мать в своё время как следует рассказала им о характере своей старой подруги, это не должно было их стеснить. Я не из тех женщин, чьи ожидания безграничны. В гостях я не ищу удобств, к которым привыкла дома, и если, как я имею основания думать, средства у них невелики, то любые их старания устроить меня поудобнее в скромном домике, приличном их состоянию, меня бы только рассердили. Довольно, если постель будет сухой, чай — горячим, а хозяева — благовоспитанными.

Итак, телеграмму отправили, и я закончила сборы, чтобы выехать пораньше.

Но, как ни твёрдо я решилась, решимость моя едва не дала трещину. Когда я уже выходила из дому — в ту самую минуту, когда извозчик выносил мой чемодан, — я заметила, что ко мне со всех ног спешит какой-то человек. В руке у него было письмо, и он протянул его мне, едва поравнялся со мной.

— Для мисс Баттерворт, — объявил он. — Лично в руки и срочно.

«Ага, — подумала я, — письмо от мистера Грайса», — и на минуту заколебалась: вскрыть его тут же или прочесть на досуге в вагоне. Второе сулило меньше неудобств: руки у меня были заняты множеством мелочей, без которых, на мой взгляд, немыслима сколько-нибудь удобная

поездка, даже самая короткая, а очки, без которых я не могу прочесть ни слова, лежали на самом дне кармана, под грудой других, столь же необходимых вещей.

Но что-то в выжидательном взгляде посыльного подсказало мне, что он не уйдёт, пока я не прочту записку. Со вздохом я призвала на помощь Лену, после нескольких тщетных попыток добралась наконец до очков и с их помощью прочла следующие торопливые строки:

«Дорогая мадам!

Посылаю Вам эту записку с гонцом, который проворнее меня. Не позволяйте ничему из сказанного мною вчера вечером выманить Вас из Вашего уютного дома. Это приключение сопряжено со слишком многими опасностями для женщины. Прочтите вложенное.

Г.»

Вложенное оказалось телеграммой из Х., отправленной ночью и, очевидно, только что полученной в управлении. Содержание её, прямо скажем, не успокаивало:

«ПРОПАЛ ЕЩЁ ОДИН. ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ В ПЕРЕУЛКЕ ПРОПАВШИХ. БЕЗОБИДНЫЙ ПАРЕНЬ ПО ПРОЗВИЩУ ДУРАЧОК РУФУС. ЧТО ДЕЛАТЬ? ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ УКАЗАНИЯ. ТРОМ».

— Мистер Грайс велел передать, что будет у вас незадолго до полудня, — сказал посыльный, видя, как растерянно я смотрю на эти слова.

Больше ничего и не требовалось, чтобы ко мне вернулось самообладание. Я сложила письмо и убрала его в сумочку.

— Передайте мистеру Грайсу, что отложить поездку я не могу, — ответила я. — Я телеграфировала друзьям, чтобы меня ждали, и обмануть их ожидания меня заставила бы только крайняя необходимость. По возвращении буду рада принять мистера Грайса.

И без дальнейших разговоров я забрала у Лены свои свёртки и направилась прямо к экипажу. С какой стати мне терять мужество из-за события, которое лишь повторяло те самые случаи, что и сделали мою поездку необходимой? Разве я из тех, кто становится жертвой тайны, на которую ему уже открыли глаза? Разве меня недостаточно предупредили об опасностях Переулка пропавших, чтобы я держалась от гиблого места на почтительном расстоянии? Я ехала навестить детей своей некогда преданной подруги. И если это сопряжено с опасностями необычайного рода, то не тем ли более мой долг — поддержать их своим присутствием?

Да, мистер Грайс, теперь меня ничто не удержит. Мне даже ещё сильнее захотелось поскорее оказаться на месте этих загадочных событий, и я слегка досадовала на долгую дорогу, которая оказалась утомительнее, чем я ожидала. Не лучшее начало для событий, требующих не только великого нравственного мужества, но и терпения; однако я и не подозревала, что меня ждёт, и думала лишь о том, что каждая минута в этом жарком и пыльном поезде отдаляет от меня объятия детей Алтеи.

Душевное равновесие вернулось ко мне, впрочем, когда мы стали подъезжать к Х. Места были поистине прекрасные, и при мысли, что скоро я сойду на той самой горной станции, которая сыграла в рассказе мистера Грайса не последнюю роль, меня охватило приятное волнение. Волнение это должно было бы послужить мне достаточным предостережением: дух исследования, который так победоносно провёл меня через дело в соседнем доме, снова завладел мною и сулил если не столь же громкий успех, то столь же полную поглощённость.

Пока я сходила с поезда, все мои мысли занимали свёртки, но, едва ступив на твёрдую землю, я поспешно огляделась: не встречает ли меня кто-нибудь из детей Алтеи.

Мне казалось, что я должна узнать их с первого взгляда. Их мать была так своеобразно хороша, что не могла не передать детям хоть что-то из самых милых своих черт. Но хотя в маленьком павильоне, который здесь называют Горной станцией, и вокруг него стояли две-три деревенские девушки, я не увидела никого, в ком при всём желании можно было бы признать кровь или воспитание Алтеи Берроуз.

Несколько разочарованная — после моей телеграммы я ждала иного, — я подошла к начальнику станции и спросила, трудно ли нанять здесь экипаж до дома мисс Ноллис. Он смотрел на меня, как мне показалось, дольше, чем требовалось, прежде чем ответить.

— Ну-у, — протянул он, — Симмонс обычно тут как тут, да что-то сегодня его не видать. Может, кто из здешних ребят вас довезёт.

Но все они с испуганным видом попятились, и я уже подбирала юбки, собираясь идти пешком, когда подъехал маленький старичок чрезвычайно смиренного вида в очень старомодной карете и с нерешительностью, происходившей единственно от застенчивости, кое-как спросил, не я ли мисс Баттерворт. Я поспешила заверить его, что я и есть та самая дама, после чего он пробормотал что-то о мисс Ноллис и о том, как она сожалеет, что не может приехать за мной сама. Затем он указал на карету и дал понять, что мне следует сесть в неё и ехать с ним.

На это я не рассчитывала: мне хотелось до приезда увидеть и услышать как можно больше. Выход был только один. К его изумлению, я настояла, чтобы вещи мои сложили в карету, а сама села на козлы.

Начало для весьма сомнительного предприятия было не из удачных. Я поняла это, увидев, как зеваки сдвинули головы и с каким любопытством поглядывают и на нас, и на экипаж, которому предстояло нас везти. Но отступать я теперь не собиралась и, взобравшись на козлы со всей грацией, на какую была способна, приготовилась ехать в городок. Козлы — не самое подобающее место для дамы моего положения, но наблюдать с них куда удобнее, чем из окна кареты.

Однако уехать без ещё одного предостережения мне, как видно, не было суждено. Пока старичок ходил за моим чемоданом, ко мне весьма учтиво подошёл начальник станции и спросил, не собираюсь ли я погостить несколько дней у барышень Ноллис. Я ответила, что собираюсь, и, решив сразу утвердить своё положение в глазах всего городка, с не меньшей учтивостью прибавила, что я старый друг семьи, что давно собиралась их навестить, но до сих пор всё было недосуг, и выразила надежду, что все они здоровы и будут мне рады.

Ответ его выдал немалое смущение.

— Может, вы не слыхали, что над нашим городком нынче тучи сгустились?

— Я слышала, что отсюда при довольно загадочных обстоятельствах пропали один-два человека, — отозвалась я. — Вы об этом?

— Да, мэм. Один, мальчишка, пропал всего два дня назад.

— Скверно, — сказала я. — Но при чём тут я? — с улыбкой прибавила я, видя, что он ещё не всё сказал.

— Да ни при чём, — поспешно ответил он, — я только подумал, вдруг вы робкого десятка…

— О, я ничуть не робкого десятка, — поспешила вставить я. — Будь я робкой, я бы сюда вовсе не приехала. Такие вещи меня не трогают.

И я расправила юбки и устроилась поудобнее с такой тщательностью и обстоятельностью, словно ужасы, о которых он упомянул, произвели на меня не больше впечатления, чем разговор о погоде.

Быть может, я перестаралась: он ещё с минуту смотрел на меня странным, долгим взглядом, а потом отошёл, и я видела, как он присоединился к кружку сплетников на платформе и стоял там, качая головой, пока мы не скрылись из виду.

Мой спутник — застенчивее человека я в жизни не встречала — не проронил ни слова, пока мы спускались с холма. Я говорила сама и пыталась вызвать его на разговор, но в ответ слышала лишь хмыканье да обрывки слогов, из которых ничего нельзя было понять. Правда, когда мы выбрались из зарослей, он позволил себе раз-другой восхищённо крякнуть, указывая на красоты пейзажа. И пейзаж вполне заслуживал его восхищения — и моего, будь мои мысли свободны. Но дома, которые начали теперь появляться по обе стороны дороги, отвлекли меня

от гор. Хотя до городка было ещё далеко, мы быстро приближались к началу того самого переулка с дурной славой, чья жуткая история занимала тогда все мои мысли. Мне так хотелось не проехать мимо, не заглянув хоть раз в его мрачные глубины, что я упорно держала голову повёрнутой в ту сторону, пока не почувствовала, что привлекаю внимание спутника. Это было нежелательно, и я, приняв беспечный вид, заговорила о том, что вижу вокруг. Но он снова впал в прежнее молчание и, казалось, был целиком поглощён тем, что пытался рукояткой кнута выковырнуть лоскут, неведомо как застрявший в спицах одного из передних колёс. Вороватый взгляд, который он бросил на меня, когда это ему удалось, показался мне в ту минуту странным, но дело было слишком мелкое, чтобы надолго занять моё внимание или прервать поток светской болтовни, которой я старалась скрасить нашу поездку.

Охота к разговору у меня, однако, поубавилась, когда впереди поднялись тёмные ветви сосновой чащи. Мы приближались к Переулку пропавших; мы поравнялись с ним; мы… да, мы в него сворачивали!

Я не смогла сдержать испуганного возгласа.

— Куда мы едем? — спросила я.

— К мисс Ноллис, — выдавил он, бросив на меня искоса взгляд, полный беспокойного вопроса.

— Разве они живут на этой дороге? — вскричала я, с неприятным уколом вспомнив, как подозрительно описывал мистер Грайс двух молодых дам, живущих вместе с братом в обветшалом особняке, помеченном на его плане буквой А.

— А где ж ещё? — последовал лаконичный ответ.

Пришлось удовольствоваться этой кратчайшей из кратких реплик, и я выпрямилась, бросив лишь один тоскливый взгляд назад, на весёлую большую дорогу, которую мы так быстро покидали. Мне попался на глаза домик с открытым окном, в котором виднелась детская головка, оживлённо кивавшая в мою сторону, и мне стало как-то не по себе: я поняла, что привлекла внимание одного из маленьких калек, которые, по словам мистера Грайса, неусыпно следят за этим входом в Переулок пропавших. Ещё миг — и сосновые ветви скрыли это видение, но я долго не могла забыть оживлённое детское личико и ручку, которая указывала на меня, словно отмечая будущую жертву ужасов этого переулка. Однако никакого тайного трепета перед приключением, в которое я бросалась, я не ощущала. Напротив, меня охватил странный и яростный восторг оттого, что меня вот так сразу бросили в самое сердце тайны, к которой я рассчитывала подбираться постепенно. Записка мистера Грайса приобрела теперь более глубокий и значительный смысл, как и взгляды начальника станции и его сплетников на склоне холма, но в моём тогдашнем настроении эти верные признаки того, сколь серьёзно моё предприятие, лишь пришпоривали мою храбрость. Я чувствовала, как проясняется голова и ширится сердце, словно в эту минуту, ещё не видя лиц этих молодых людей, я уже знала: они запутались в паутине обстоятельств, столь трагических и непостижимых, что разорвать её и вернуть этим девушкам доверие окружающих под силу только такой женщине, как я.

Я забыла, что у этих девушек есть брат и что… Но ни слова наперёд. Я хочу, чтобы эта история открывалась вам так же, как открывалась мне, — и с той же неподготовленностью.

Фермер, который меня вёз, — впоследствии я узнала, что его зовут Симсбери, — проявлял к моему поведению какое-то упорное любопытство, которое в менее волнующих обстоятельствах позабавило бы меня или, во всяком случае, вызвало бы моё презрение. Я видела, как его глаза с каким-то изумлением обводят мою фигуру — державшуюся, быть может, чуть прямее, чем требовалось, — и наконец останавливаются на моём лице с выражением, которое я могла бы счесть лестным, будь у меня охота думать о подобных вещах. Отвёл он взгляд, только когда мы миновали тропу, уходящую вверх через лес к горе, и я не преминула заметить, что он снова уставился на меня, когда мы проезжали мимо хижины той старухи, которую мистер Грайс считал такой безобидной.

Может, у него была на то причина: эта хижина и её обитательница очень меня занимали, и насчёт старухи я считала себя вправе втайне сомневаться. Занимали настолько, что я окинула хижину очень зорким взглядом и обрадовалась, когда в дверном проёме мелькнула старуха, что-то бормотавшая над куском хлеба, который она жевала, пока мы проезжали мимо.

— Это Матушка Джейн, — пояснил мой спутник, впервые за много минут нарушив молчание. — А вон там дом мисс Ноллис, — прибавил он, подняв кнут и указывая на полускрытый деревьями фасад большого и претенциозного дома в нескольких десятках шагов дальше по дороге. — Страсть как она вам обрадуется, мисс! Гости в наших краях редкость.

Удивлённая этим внезапным приступом разговорчивости у человека, чью сдержанность я до сих пор никак не могла пробить, я ответила ему так любезно, как он, видимо, и ожидал, и жадно взглянула на дом. Как и намекал мистер Грайс, он был чрезвычайно неприветлив даже издали, а когда мы подъехали ближе и мне открылся весь его облупленный, выцветший фасад, я вынуждена была признать, что никогда в жизни не видела жилища более запущенного и менее сулящего гостеприимство.

Если бы не тонкое колечко дыма над одной из разбитых труб, я решила бы, что здесь много лет не ступала нога человека. Во дворе буйствовал кустарник, а лозы, спутанными космами свисавшие на унылое крыльцо, говорили о полном пренебрежении самым обычным порядком. Всё это придавало разбитым пилястрам и сгнившим оконным рамам этого тоскливейшего из фасадов тот вид заброшенности, который становится живописным, лишь когда природа присвоит себе права человека и целиком завладеет пустыми стенами и вываливающимися створками окон того, что некогда было людским жилищем. Мысль о том, что кто-то живёт здесь и теперь и что я — я, которая не может без острейшего неудобства видеть криво поставленный стул или косо висящую занавеску, — вот-вот добровольно войду в эти двери, чтобы здесь поселиться, показалась мне такой несообразной, что я сошла на землю как во сне и уже пробиралась в одну из прорех высокой старинной ограды, когда мистер Симсбери остановил меня и указал на калитку.

Извиняться за ошибку я не сочла нужным: проломы в ограде, право же, годились для входа не хуже калитки, которая соскочила с петель и висела, приоткрытая всего на несколько дюймов. Но я пошла туда, куда он указал, придерживая юбки и ступая с опаской, чтобы не наступить на улиток и жаб, усеявших те участки дорожки, которые ещё не скрыла сорная трава. Пока я шла, меня поразила тишина этого места. Становлюсь ли я чересчур впечатлительной, или в полном отсутствии звуков и движения в доме таких размеров и правда было что-то зловещее? Впрочем, о движении я сказала напрасно: в ту же минуту в одном из верхних окон что-то мелькнуло, будто кто-то украдкой отодвинул и так же украдкой опустил занавеску. И хотя это обещало хоть какую-то встречу, в самом движении было столько скрытности, столь согласной с подозрениями мистера Грайса, что я разом собралась с духом и поднялась по полудюжине неприглядных ступенек к парадной двери.

Но едва я это проделала — с видом, который смею считать лучшим из моих, — как мужество мне вдруг изменило, и, должна признать, от страха вполне понятного и простительного. Ибо, хотя перед мужчинами я не робею и сохраняю разумную стойкость перед большинством опасностей, как телесных, так и нравственных, я сама не своя перед разъярённой лающей собакой. Это моя единственная слабость, и хотя я вполне способна — и обычно мне это удаётся — скрыть внутренний трепет в подобных случаях, я всегда чувствую, что для меня было бы истинным облегчением, если бы однажды эти так называемые домашние животные были изгнаны из сердец и домов человеческих. Тогда, думается, я начала бы жить по-настоящему и, может быть, полюбила бы поездки за город, которые теперь, при всей моей видимой храбрости, считаю скорее тяжкой повинностью, чем удовольствием. Говорят, собака — друг человека. Возможно. Но я ведь не человек вообще, я — мисс Баттерворт.

Вообразите же, как трудно мне было сохранить самообладание и хотя бы видимость достоинства, когда в ту самую минуту, как я протянула руку к дверному молотку этого негостеприимного дома, откуда-то донёсся вой — такой пронзительный, резкий и протяжный, что перепугал даже птиц над моей головой, и они тучами взметнулись из лоз.

Для меня это был наихудший из приёмов. Я не знала, откуда донёсся вой — изнутри или снаружи, — и когда после минутного колебания дверь отворилась, я не уверена, было ли в улыбке, которую я призвала к случаю, хоть что-нибудь от настоящей Амелии Баттерворт: так разрывалась я между желанием произвести благоприятное впечатление и весьма решительным, нескрываемым страхом перед собакой, встретившей мой приезд столь зловещим воем.

— Уберите собаку! — вскричала я, почти не разглядев, к кому обращаюсь.

Мистер Грайс, когда я потом с ним увиделась, заявил, что более многозначительно отрекомендоваться при входе в дом Ноллисов я не могла.

Глава IV. Призрачные покои

Если хозяйка дома то и дело оглядывается через плечо, смотри туда же. Это не дурные манеры, это наблюдательность.
— Из правил мисс Баттерворт

В прихожей, куда я вошла, было так темно, что несколько минут я не видела ничего, кроме смутных очертаний молодой женщины с очень бледным лицом. В ответ на мои слова она что-то пробормотала, но почему-то странно притихла и, если глаза меня не обманывали, смотрела скорее назад, через плечо, чем в лицо входящей гостье. Это меня озадачило, но не успела я понять, чем она так поглощена, как она вдруг спохватилась, распахнула дверь в соседнюю комнату и впустила поток света, при котором мы смогли разглядеть друг друга и обменяться приветствиями, подобающими случаю.

— Мисс Баттерворт, мамина старая подруга, — проговорила она с каким-то жалким усилием казаться радушной, — мы так рады, что вы к нам приехали. Не хотите ли… не хотите ли присесть?

Что всё это значило? Она указала на стул в гостиной, но лицо её снова было обращено назад, словно её неудержимо тянуло к какому-то тайному предмету страха. Был ли кто-нибудь или что-нибудь наверху тёмной лестницы, которая смутно виднелась в глубине? Спросить я не могла, а показать, что нахожу такой приём странным, было бы неразумно. Я вошла в комнату, на которую она указала, и подождала её. Она последовала за мной с явной неохотой. Но едва она оказалась вне прихожей — или вне досягаемости того, что её пугало, чем бы оно ни было, — лицо её озарилось улыбкой, которая тотчас расположила меня к ней. Эта улыбка придала её хрупкому облику, до той минуты ни в чём не напоминавшему мать, пикантную прелесть и тонкое очарование, вполне достойные дочери Алтеи Берроуз.

— Не обращайте внимания на бедность нашего приёма, — сказала она, оглядевшись наполовину гордо, наполовину виновато, и, надо сказать, голые стены и убогая обстановка комнаты вполне оправдывали этот взгляд. — Нам живётся не слишком хорошо с тех пор, как умер отец и не стало мамы. Дай вы нам время, мы бы написали вам, что после вашего собственного дома наш мало чем может вас привлечь, но вы приехали неожиданно, и…

— Полно, полно, — вставила я, видя, что смущение вот-вот её одолеет, — не будем об этом. Я приехала не ради вашего дома, а ради вас. Вы старшая, моя милая? И где ваши сестра и брат?

— Я не старшая, — сказала она. — Я Люсетта. Сестра… — тут она невольно снова повернула голову, будто прислушиваясь, — сестра… скоро придёт. Брата нет дома.

— Что ж, — сказала я, удивляясь, что она не предлагает мне снять капор и накидку, — вы прехорошенькая, но на вид не слишком крепкая. Вы вполне здоровы, моя милая?

Она вздрогнула, с минуту смотрела на меня пытливо, почти тревожно, потом выпрямилась и стала понемногу приходить в себя.

— Я не из крепких, — улыбнулась она, — но и не такая уж слабая. Я всегда была маленькая. Мама тоже, вы ведь знаете.

Я была рада, что она заговорила о матери, и ответила так, чтобы продлить разговор.

— Да, ваша мать была невысока, — согласилась я, — но никогда не была ни худой, ни бледной. Среди нас, пансионерок, она была точно фея. Вам не странно слышать, что такая старая женщина, как я, называет себя пансионеркой?

— О нет! — сказала она, но без всякого чувства. Признаться, я рассчитывала услышать «Ну какая же вы старая!». Не услышала.

— Я почти забыла те дни, пока на днях случайно не услышала имя Алтеи, — продолжала я, понимая, что, если я не стану поддерживать разговор, мы будем сидеть в полном молчании. — Тут мне вспомнилась наша с вашей матерью давняя дружба, и я сорвалась с места — как всегда, когда что-нибудь решаю, моя милая, — и отправила ту телеграмму. Надеюсь, вслед за ней не явилась незваная гостья.

— О нет, — повторила она, но на этот раз с некоторым чувством. — Нам нужны друзья, и если вы простите нам наши недостатки… Но вы даже не сняли капор! Что скажет мне Лорин?

И с внезапной нервной живостью, столь же заметной, как её недавняя вялость, она вскочила и принялась хлопотать вокруг меня: развязала ленты моего капора и убрала свёртки, которые я до этой минуты держала в руках.

— Я… я такая рассеянная, — пробормотала она. — Я… я не подумала… Надеюсь, вы меня простите. Лорин встретила бы вас гораздо лучше.

— Тогда Лорин следовало быть здесь, — с улыбкой сказала я.

Я не смогла удержаться от этого лёгкого упрёка, и всё же девушка мне нравилась. Вопреки всему, что я слышала, и вопреки её собственному странному и необъяснимому поведению, в лице её, когда она соизволяла улыбнуться, была такая нежность, что устоять было невозможно. И потом, при всей её рассеянности и отрешённости, она была настоящая леди! Скромное платье и сдержанные манеры не могли этого скрыть. Это сквозило в каждой линии её худенькой, но изящной фигурки и в каждой интонации её мелодичного, хотя и скованного голоса. Увидь я её в собственной гостиной, а не в этих голых, тронутых плесенью стенах, я сказала бы то же самое: «Настоящая леди!» Но тогда это лишь мелькнуло у меня в голове. Я не изучала её характер, а пыталась понять, почему моё появление в доме так заметно её встревожило. Смущение бедности, не знающей, как ответить на столь внезапное требование? Едва ли. К такому смущению страх не примешивается, а страх-то я и видела на её лице, прежде чем за мной закрылась парадная дверь. Но страх перед чем? Был ли он связан со мной или с чем-то, что грозило ей из другой части дома?

Второе казалось вероятнее. То, как она поворачивала голову, прислушиваясь, как вздрагивала от каждого звука, убедило меня, что причина её страха не во мне, а где-то ещё, и потому заслуживает самого пристального моего внимания. Я болтала и всячески старалась завоевать её доверие, но между фразами невольно спрашивала себя: в чём причина её тревоги — в сестре, в брате или в чём-то совсем постороннем, связанном с тем страшным делом, которое привело меня в Х.? Или — ещё одно предположение — это лишь признак привычного недуга: мистер Грайс истолковал его неверно, отсюда и подозрения, которые мне, быть может, и предстоит здесь рассеять?

Желая немного подтолкнуть события, я взглянула на унылые ветви, которые чуть ли не лезли в открытые окна, и заметила:

— Что за вид для таких юных глаз, как ваши! Неужели вам не надоедают эти сосновые лапы и густые тени? Разве маленький домик в солнечной части городка не лучше всего этого мрачного величия?

Она подняла на меня глаза с такой внезапной тоской, что улыбка её стала жалобной.

— Здесь прошли и самые счастливые мои дни, и самые печальные. Не думаю, что я променяла бы этот дом на солнечный домик. Мы созданы не для весёлых жилищ, — продолжала она. — Нам к лицу мрачность этого старого дома.

— И этой дороги, — осмелилась я. — Мрачнее и живописнее дороги я в жизни не видела. Мне казалось, я пробираюсь сквозь дебри.

На миг она забыла о причине своей тревоги и посмотрела на меня очень пристально, а по лицу её медленно скользнула едва уловимая тень сомнения.

— Дорога пустынная, — согласилась она. — Неудивительно, что она показалась вам унылой. Вы слышали… вам никто не говорил, что… что она считается не совсем безопасной?

— Небезопасной? — переспросила я с — да простит мне Бог! — выражением кроткого удивления в глазах.

— Да, слава у неё не лучшая. Здесь случались странные вещи. Я думала, кто-нибудь будет так любезен, что расскажет вам об этом на станции.

В голосе её прозвучала мягкая насмешка — только и всего, как мне тогда показалось. Я начинала теряться.

— Кто-то — кажется, начальник станции — и правда говорил мне о мальчике, который пропал где-то в здешних лесах. Вы об этом, моя милая?

Она кивнула, снова оглянувшись через плечо и привстав, словно её толкал какой-то инстинкт бегства.

— Леса здесь достаточно тёмные, чтобы в их глуши пропал не один человек, — заметила я, снова взглянув на плотно занавешенные окна.

— Это верно, — согласилась она, опускаясь на место и нервно поглядывая на меня. — Мы привыкли к тому, какой ужас они наводят на приезжих, но если вы, — она вскочила с явным нетерпением, и всё лицо её изменилось так, как она сама, верно, и не подозревала, — если вам страшно ночевать в таком мрачном месте, мы можем найти вам комнату в городке, где вам будет удобнее и где мы сможем видеться с вами почти так же часто, как здесь. Хотите? Позвать…

Должно быть, лицо моё приняло весьма суровое выражение, потому что на этом слове она запнулась, и щёки её впервые залил румянец, придав ей вид глубоко огорчённый. Вероятно, это был тот самый взгляд, которым я в своё время унимала истерики Изабеллы Ван Бёрнам.

— Ах, хоть бы Лорин пришла! Я всё предлагаю невпопад, — сказала она, и губы её виновато дрогнули — в этом и была одна из тайн её очарования. — Ах, вот и она! Теперь я могу идти, — воскликнула она и, ничуть не подозревая, что сказала что-то неуместное, выбежала из комнаты чуть ли не прежде, чем вошла её сестра.

Но не прежде, чем глаза их встретились в необычайно многозначительном взгляде.

Глава V. Странные домочадцы

Когда за столом пустует прибор, расспрашивать о нём хозяев бесполезно. Расспрашивать нужно прислугу — и не за столом.
— Из правил мисс Баттерворт

Не перехвати я этот взгляд, полный взаимного понимания, мисс Ноллис, пожалуй, произвела бы на меня впечатление, которое в известной мере уравновесило бы то, что оставила нервная и менее сдержанная Люсетта. Достоинство и строгость её осанки, спокойствие, с каким она подошла, и особенно ровный голос, которым она произнесла приветствие, могли бы завоевать моё доверие и помочь мне почувствовать себя свободно в доме, где она считалась хозяйкой. Но этот взгляд! Помня о нём, я сумела заглянуть под поверхность этой безмятежной натуры и в самой её сдержанности угадать ту же тайную тревогу, которую так открыто, хоть и бессознательно, выказала её сестра.

Она была красивее Люсетты и лицом, и сложением и ещё заметнее изящна в простом чёрном платье с тонкими батистовыми оборками, но ей недоставало мимолётного очарования сестры, и при всём своём видимом совершенстве она меньше располагала к себе при коротком знакомстве.

Но я отвлекаюсь, а история моя — история действий, а не размышлений. Я, естественно, ожидала, что с появлением старшей мисс Ноллис меня проводят в мою комнату. Однако она, напротив, села и с виноватым видом сообщила, что, к сожалению, не может оказать мне обычных знаков гостеприимства. Обстоятельства, над которыми она не властна, не позволяют ей предложить мне комнату для гостей, но если я буду так добра и соглашусь на эту одну ночь занять другую, назавтра она постарается устроить меня получше.

Убедившись, что бедность их почти мучительна, и решив лучше терпеть лишения, чем покинуть дом, столь насквозь пропитанный тайной, я поспешила заверить её, что меня устроит любая комната, и с изъявлением добрых чувств, не вовсе неискренних, начала собирать свои накидки, ожидая, что меня тотчас поведут наверх.

Но мисс Ноллис снова удивила меня: моя комната ещё не готова, сказала она, они не успели со всеми хлопотами, и она просит меня располагаться как дома здесь, в этой комнате, до вечера.

Для женщины моих лет, только что с поезда и от природы весьма приверженной чистоте и порядку, такая просьба была чрезмерной, и я несколько растерялась. Однако, скрыв свои чувства по уже названным причинам, я положила свёртки обратно на стол и постаралась примириться с довольно тягостным положением. Свёртки пролежали на столе до самого вечера, и я, признаюсь, успела пересчитать их не один раз.

Я тотчас завела разговор и, как и с Люсеттой, заговорила об их матери. Я никогда толком не знала, зачем миссис Ноллис отправилась в путешествие, которое закончилось её смертью и погребением в чужой стране. Ходили слухи, что она поехала за границу лечиться: здоровье её пошатнулось после рождения Люсетты. Но поскольку слухи не уточняли, почему она поехала без мужа и детей, эти девушки могли бы охотно рассказать мне немало такого, что живейшим образом меня интересовало. Однако мисс Ноллис — нарочно или ненароком — встретила мои вполне доброжелательные вопросы так холодно, что я перестала настаивать и заговорила о себе. Я надеялась, что это положит начало настоящей дружбе между нами и позволит ей позже, если не сейчас, рассказать мне, что же так тяготит этот дом, что всякий входящий в него чувствует на себе тень окутавшего его тайного ужаса.

Но мисс Ноллис, хотя и слушала меня внимательнее сестры, по некоторым безошибочным признакам была мыслями и сердцем где угодно, только не в этой комнате. Я не могла

счесть это упрёком своему умению нравиться — которое редко подводило меня, когда я пускала его в ход в полную силу, — и всё же её манера невольно меня охлаждала. Я продолжала болтать, но уже вяло, примечая всё странное в этом необъяснимом приёме и, как я твёрдо убеждена, ничем не выдавая ни своей озабоченности, ни быстро растущего любопытства.

Странности, замеченные мною при первой встрече с этими интересными, но отнюдь не простыми для понимания сёстрами, продолжались весь день. Когда входила одна, другая выходила, а когда объявили обед и меня провели по голой, унылой прихожей в столь же голую и неприветливую столовую, оказалось, что стол накрыт на четверых, а за ним сидит одна Люсетта.

— Где же Лорин? — удивлённо спросила я, садясь на место, которое она указала мне с одной из своих слабых и быстро гаснущих улыбок.

— Она пока не может прийти, — запинаясь, сказала моя юная хозяйка и бросила явно страдальческий взгляд на рослую, пышущую здоровьем женщину, которая позвала меня к столу.

— Вот как, — обронила я, подумав, что Лорин, возможно, пришлось помогать с обедом. — А ваш брат?

О нём заговорили впервые с тех пор, как я спросила о нём по приезде. Я сама не решалась завести о нём речь из чистого сострадания, а они не сочли нужным упоминать его имя. Поэтому я ждала ответа с некоторой тревогой: у меня было тайное предчувствие, что именно в нём кроется причина моего странного приёма.

Ответила она поспешно, однако без всякого нового смущения, и это несколько поколебало моё предположение.

— О, он скоро придёт, — сказала она. — Уильям никогда не отличался пунктуальностью.

Но когда он вошёл, я не могла не заметить, как переменилась она в ту же минуту и как мучительно, почти болезненно встревожилась. Хотя я впервые видела настоящего главу дома, она, прежде чем представить нас друг другу, дождалась, пока они с ним обменяются взглядами. А когда он, после того как с этой обязанностью было покончено, сел за стол, мысли и внимание её так прочно прилипли к нему, что она чуть не забыла о самой обычной любезности хозяйки. Если бы не упомянутая мною женщина, которая своей добродушной заботливостью с лихвой возмещала рассеянность хозяйки, мне пришлось бы худо за этим обедом, хотя он был хорош и обилен — если принять во внимание средства тех, кто его устроил.

Люсетта, казалось, боялась, что он заговорит, чуть ли не боялась, что он шевельнётся. Она следила за ним, приоткрыв губы, словно готовая остановить любое неосторожное слово, которое он мог обронить, пытаясь быть любезным. Левую руку она даже держала свободной — явно для того, чтобы протянуть её к нему, если он по своей неуклюжей глупости сболтнёт что-нибудь и откроет мне глаза на то, что она так страстно желала сохранить в тайне. Я видела всё это так же ясно, как его тяжеловесное безразличие к её тревоге. И зная по опыту, что именно в таких туповатых увальнях нередко таятся худшие страсти, я воспользовалась своими годами и навязала ему разговор, надеясь, что, несмотря на её бдительность, в нём промелькнёт хоть искра его подлинной натуры.

Возвращаться к самому переулку мне не хотелось, и я с вполне естественным интересом спросила, кто их ближайший сосед. Поднял глаза и ответил Уильям.

— Ближе всех старая Матушка Джейн, — сказал он, — да только от неё никакого толку. Мы о ней и не думаем. Единственный сосед, который мне по душе, — мистер Тром. Какие персики растит старина! Какой виноград! Какие дыни! Сегодня утром он дал мне две — лучше вы в жизни не видали. Ей-богу, до сих пор во рту вкус!

Люсетта, которой следовало бы покраснеть от стыда, почему-то страшно побледнела. Но не так сильно, как за несколько минут до того, когда он начал было: «Лорин просит оставить

немного этого супа для…» — и неловко осёкся, сообразив, должно быть, что о желаниях Лорин при мне говорить не следует.

— Ты же обещал мне никогда больше не просить у мистера Трома фруктов, — упрекнула его Люсетта.

— А я и не просил! Я просто стоял у забора и смотрел. Мы с мистером Тромом друзья. Почему бы мне не есть его фрукты?

Взгляд, который она на него бросила, растрогал бы и камень, но он, казалось, был к нему совершенно нечувствителен. Видя, что его ничем не пронять, она опустила голову и не ответила ни слова. И всё же мне почему-то казалось, что, хотя она явно сгорала от стыда, не одно это чувство владело ею. Было что-то ещё, чего она боялась. Надеясь облегчить ей положение и разрядить обстановку, я заставила себя улыбнуться молодому человеку и сказала:

— Отчего бы вам самому не выращивать дыни? Будь у меня ваша земля, я бы постаралась вырастить на ней всё, что только можно.

— Так то вы, женщина! — отрезал он почти грубо. — Для женщин это дело хорошее, да и для мужчин, может, тех, кому нравится смотреть, как висят плоды. А мне нравится только их есть.

— Не надо, — вставила Люсетта, но не так решительно, как я ожидала.

— Я люблю охотиться, натаскивать собак и угощаться чужими фруктами, — засмеялся он, кивнув на покрасневшую Люсетту. — Не вижу смысла утруждать себя ради того, что можно получить, стоит только попросить. Жизнь слишком коротка для такой глупости. Я хочу пожить в своё удовольствие, пока хожу по этой благословенной земле.

— Уильям!

Возглас вырвался у неё невольно, и всё же это был не тот возглас, которого я ждала. Как ни тягостно было это зрелище его глупости и полной бесчувственности, не этого она страшилась больше всего — иначе почему её протест был куда слабее, чем обещал её вид?

— Ого! — закричал он, страшно развеселившись, а она отшатнулась с выражением ужаса. — Люсетте не нравится, когда я так говорю. Она считает, что мужчина должен работать — пахать, боронить, копать, превращаться в раба, чтобы содержать усадьбу, от которой всё равно никакого проку. А я ей говорю: работать меня не заставишь. Я родился джентльменом и джентльменом проживу, даже если дом рухнет нам на головы. Может, оно и к лучшему — так от него и избавимся. Тогда я перееду к мистеру Трому и буду есть дыни с утра до ночи.

И снова раздался его грубый смех.

Этот смех — или, может быть, его слова — встряхнул её так, как ничто до сих пор. Протянув руку, она зажала ему рот и бросила почти исступлённый умоляющий взгляд на женщину, стоявшую у него за спиной.

— Мистер Уильям, как можно! — укорила его та. Он хотел было сердито обернуться к ней, но она наклонилась и шепнула ему на ухо несколько слов, которые, видимо, его усмирили: он коротко хмыкнул сквозь дрожащие пальцы сестры, пожал тяжёлыми плечами и умолк.

Во всём этом я была лишь зрительницей, но не скоро забыла ни одной подробности этой сцены.

Остаток обеда прошёл спокойно. Мы с Уильямом отдали обеду должное — каждый в меру своего аппетита, Люсетта не притронулась ни к чему. Из жалости к ней я отказалась от кофе, и как только Уильям дал понять, что насытился, мы поспешно встали из-за стола. Это был самый неуютный обед в моей жизни. А ведь мне доводилось обедать с сёстрами Ван Бёрнам.

Глава VI. Мрачный вечер

Если в доме нет ни ключа от двери, ни исправного звонка, спать следует вполглаза. Если вдобавок есть собака — не спать вовсе.
— Из правил мисс Баттерворт

Вечер, как и день, прошёл в гостиной в обществе одной из сестёр. Достойно упоминания лишь одно происшествие. Мне смертельно наскучил разговор, который чахнул, с какой бы темы ни начинался, и, заметив в углу старое фортепиано — когда-то я играла очень хорошо, — я села за него и, поддавшись порыву, взяла несколько аккордов на пожелтевших клавишах. Люсетта — со мной тогда была Люсетта — тотчас подскочила ко мне с выражением ужаса.

— Не надо! — вскричала она и положила руку на мою, чтобы меня остановить. Потом, увидев моё полное достоинства изумление, прибавила с умоляющей улыбкой: — Простите, но сегодня каждый звук отдаётся у меня внутри.

— Вам нездоровится? — спросила я.

— Мне всегда нездоровится, — ответила она, и мы вернулись на диван и возобновили наши натужные и жалкие попытки поддержать разговор. Так этот дом и не узнал, как я играю. А играла я, повторяю, очень хорошо.

Ровно в девять вошла мисс Ноллис. Она была очень бледна и, как обычно, прежде чем заговорить со мной, бросила на сестру печальный и тревожный взгляд. Люсетта тотчас встала и, побледнев в свою очередь, поспешила к двери, но сестра её остановила.

— Ты забыла пожелать нашей гостье спокойной ночи, — сказала она.

Люсетта мгновенно обернулась и во внезапном неудержимом порыве схватила мою руку и судорожно её сжала.

— Спокойной ночи! — воскликнула она. — Надеюсь, вы хорошо выспитесь. — И исчезла, прежде чем я успела ответить.

— Почему Люсетта выходит из комнаты, когда входите вы? — спросила я, решив во что бы то ни стало узнать причину этого странного поведения. — У вас в доме есть ещё гости?

Ответ прозвучал с неожиданной горячностью:

— Нет! Почему вы так думаете? Здесь никого нет, кроме семьи.

И она отвернулась с достоинством, которое, должно быть, унаследовала от отца: у Алтеи Берроуз были все пленительные качества, кроме этого.

— Вы, верно, очень устали, — заметила она. — Если позволите, пойдёмте теперь в вашу комнату.

Я тотчас встала, радуясь случаю увидеть верхнюю часть дома. Она взяла на руку мои накидки, и мы сразу вышли в прихожую. В эту минуту я услышала голоса, один из них — пронзительный и полный страдания. Но звук так быстро заглушила захлопнувшаяся дверь, что я не успела понять, мужской это голос или женский.

Мисс Ноллис, шедшая впереди, встревоженно оглянулась, но, так как я ничем не показала, что заметила что-то необычное, она быстро пошла дальше вверх по лестнице. Звуки доносились сверху, и я поспешила за ней, но мой пыл несколько поостыл, когда я поняла, что мы проходим дверь за дверью по длинному коридору к комнате, как можно более удалённой от той части дома, где, по-видимому, жили хозяева.

— Неужели меня непременно нужно поселить так далеко? — спросила я, когда моя юная хозяйка остановилась и подождала меня на пороге самой неприветливой комнаты, в какую мне когда-либо доводилось входить.

Румянец, заливший её лоб, показал, что она остро чувствует неловкость положения.

— Уверяю вас, — сказала она, — мне очень жаль, что приходится предлагать вам такое убогое пристанище, но все остальные комнаты не в порядке, и сегодня я не могу устроить вас лучше.

— Но нет ли местечка поближе к вам? — настаивала я. — Диван в вашей комнате был бы мне приятнее этой дальней спальни.

— Я… я надеюсь, вы не из робких, — начала она, но я поспешила её разубедить.

— Я не боюсь ничего на свете, кроме собак, — с жаром заверила я. — Но я не люблю одиночества. Я приехала сюда ради общества, моя милая. Мне правда хотелось бы спать в одной комнате с кем-нибудь из вас.

Это я сказала, чтобы посмотреть, как она встретит подобную настойчивость. Встретила она её, как мне следовало предвидеть, отказом.

— Мне очень жаль, — повторила она, — но это совершенно невозможно. Я была бы рада окружить вас привычными удобствами, но мы, девушки, несчастливы, и…

Больше она ничего не сказала и принялась хлопотать в комнате, где был лишь один предмет, хоть сколько-нибудь напоминавший об удобствах. Это был мой чемодан, аккуратно поставленный в угол.

— Вы, наверное, не привыкли к свечам, — заметила она, зажигая от своей свечи огарок, показавшийся мне очень коротким.

— Моя милая, — сказала я, — я могу приспособиться ко многому, к чему не привыкла. Причуд старой девы у меня очень немного. Вы увидите, что я гостья совсем не требовательная.

Она вздохнула, а потом, видя, как мой взгляд медленно скользит по серым облупленным стенам, не украшенным ни единой гравюрой, указала на шнур звонка у изголовья кровати и заботливо сказала:

— Если вам ночью что-нибудь понадобится или вас что-нибудь потревожит, дёрните за него. Он проведён в мою комнату, и я с радостью к вам приду.

Я подняла глаза на шнур, проследила взглядом проволоку, которая шла от него, и увидела, что она оборвана начисто, не доходя до стены.

— Боюсь, вы меня не услышите, — ответила я, указывая на обрыв.

Она густо покраснела и на миг смутилась не меньше, чем прежде её сестра.

— Я не знала, — пробормотала она. — Дом такой старый, всё понемногу разваливается.

И поспешила выйти из комнаты.

Я с мрачной решимостью шагнула за ней.

— Но у двери нет ключа, — возразила я.

Она вернулась с таким отчаянием на лице, какое только могли выразить её спокойные черты.

— Знаю, — сказала она, — знаю. У нас ничего нет. Но если вы не боитесь — а чего вам бояться в этом доме, под нашей защитой, да ещё когда во дворе хорошая собака? — вы потерпите сегодняшнюю ночь, и… Боже правый! — пробормотала она, но не так тихо, чтобы мой обострённый слух не уловил каждого слога. — Неужели она слышала? Неужели слава этого места разошлась так далеко? Мисс Баттерворт, — с жаром повторила она, — в этом доме вам нечего бояться. Нашей гостье ничто не угрожает, и вам незачем ни о чём беспокоиться — ни о себе, ни о нас, пройдёт ли ночь спокойно или её нарушат необъяснимые звуки. К тому, что вас занимает, они не будут иметь никакого отношения.

«Ага, — подумала я, — так-таки и не будут! Вы слишком высокого мнения о моём равнодушии, моя милая». Но вслух сказала лишь несколько успокоительных фраз и нарочно сделала их покороче, видя, что каждая минута, на которую я её задерживаю, для неё лишняя пытка. Потом я вернулась к себе и плотно затворила дверь. Моя первая ночь в этом унылом и странно устроенном доме началась отнюдь не благоприятно. Огарка, отпущенного мне на

эту ночь, хватило бы разве что на короткую молитву. Я рассудила, что Провидение поймёт и сокращённую.

Глава VII. Первая ночь

Глазам и ушам в чужом доме не верь: темнота и тишина умеют притворяться. Верь носу.
— Из правил мисс Баттерворт

Я ничуть не погрешила против истины, когда уверяла мисс Ноллис, что не боюсь ночевать вдали от остальных. Я женщина храбрая — во всяком случае, всегда себя такой считала — и дома без малейших опасений одна занимаю весь второй этаж. Но между этими двумя жилищами есть разница, с чем, думаю, вы к этому времени охотно согласитесь, и хотя страха в обычном смысле слова я почти не испытывала, привычного удовольствия от мелких приготовлений, с которыми я обыкновенно устраиваюсь на ночь, я определённо не получала. И в этих четырёх голых стенах, в которых я теперь оказалась заперта, и за ними царил такой мрак, что не почувствовать его могло бы разве что существо не вполне человеческое. И хотя я не боялась, что он меня одолеет, я рада была хоть немного оживить это место: открыла чемодан и достала кое-какие мелочи из тех, без которых и самая светлая комната выглядит голой, а такая берлога, как эта, и вовсе непригодна для жилья.

Потом я хорошенько огляделась, соображая, как бы мне обеспечить себе хоть какое-то чувство безопасности. Кровать была лёгкая, её можно было придвинуть к двери. Это уже кое-что. Окно было только одно, плотно завешенное какой-то толстой тёмной материей самого похоронного вида. Я подошла к нему, отодвинула тяжёлые складки и выглянула. Взгляд мой тотчас упёрся в густую листву, которая заслоняла небо и делала место ещё пустыннее. Я опустила занавеску и села на стул подумать.

Короткий огарок, которым меня снабдили, показался мне многозначительным — настолько, что, едва мисс Ноллис ушла, я не дала ему долго гореть. Если эти девушки, прелестные, без сомнения, но хитрые, задумали сократить моё бдение, сократив мою свечу, я не дам им повода усомниться, что их уловка удалась. Предусмотрительность, которая заставляет меня брать с собой тёплую накидку даже в самую жару, велит мне класть в дорожный чемодан с полдюжины свечей, так что стоило мне открыть продолговатую коробочку в верхнем отделении — и свет у меня был бы на всю ночь.

Пока всё шло хорошо. Свет у меня был, но было ли у меня что-нибудь ещё на случай, если Уильям Ноллис… Но тут мне вспомнились взгляд мисс Ноллис и её успокоительные слова: «Что бы вы ни услышали — если вы что-нибудь услышите, — это не будет иметь к вам никакого отношения и не должно вас тревожить».

С эгоистической точки зрения это, несомненно, утешало; но успокаивало ли это меня насчёт других?

Не зная, что обо всём этом думать, и вполне сознавая, что при нынешних обстоятельствах сон ко мне не придёт, я решила не ложиться, пока не уверюсь, что сон с моей стороны будет уместен. Итак, покончив с разными мелкими приготовлениями, о которых я уже упоминала, я накинула на плечи тёплую шаль и приготовилась слушать — как я опасалась, не один унылый час этой незавидной ночи.

И тут позвольте мне ненадолго прерваться и признаться: как ни тщательно я всё обдумала, уезжая из дому, я забыла одну вещь, и теперь из-за неё я чувствовала себя чуть ли не несчастной. Я не взяла с собой спиртовку и прочие свои особые приспособления для того, чтобы заваривать чай у себя в комнате. Будь они при мне, имей я возможность заварить и прихлёбывать чашку моего собственного восхитительного чая, пока я прислушиваюсь к звукам, которые могли нарушить полночную тишину этого дома, — каким облегчением это было бы для моего духа и в каком ином свете могли бы предстать передо мной мистер Грайс и пору-

ченное мне дело! Мало того что мне недоставало этого утешения, — я лишена была даже удовлетворения от мысли, что виноват в этом кто-то, кроме меня самой. Лена уже взялась было за чайник, но я покачала головой, опасаясь, что его вид оскорбит взор моих юных хозяек. Однако я не рассчитывала, что меня засунут в дальний угол дома, в котором поместилась бы дюжина семейств, и если я когда-нибудь ещё поеду…

Впрочем, это личное дело Амелии Баттерворт, и вам оно неинтересно. Больше я не стану докучать вам своими маленькими слабостями. Обещания этого, как вы увидите, я не сдержу.

Пробило одиннадцать. Я не слышала ни звука. Пробило двенадцать, и мне начало казаться, что тишина уже не такая полная, как прежде, что временами я определённо слышу слабые звуки — будто скрипит на петлях дверь или кто-то крадучись переступает с ноги на ногу. Однако всё было так неотчётливо, что я долго не решалась признаться себе, что в доме происходит что-то такое, чего не следует ожидать в доме, который выдаёт себя всего лишь за обиталище порядочного молодого человека и двух весьма скромных с виду барышень. И даже когда шум и шёпот усилились настолько, что я уже различала угрюмый голос брата и более мягкие, тщательно приглушённые голоса Люсетты и её сестры, я готова была объяснить всё это любой догадкой, кроме той, что впутывала бы этих хрупких барышень в какой-то тайный и преступный замысел.

Но когда я поняла, что шум и движение в передней части дома и не думают утихать и что такую суматоху в деревенском доме так долго после полуночи может объяснить лишь нечто из ряда вон выходящее, я рассудила, что спокойно спать при подобных обстоятельствах мог бы только человек, лишённый зрения и слуха, и что в их глазах я буду совершенно права, если открою дверь и загляну в коридор. И без дальнейших церемоний я отодвинула кровать и выглянула.

В огромном доме было совершенно темно и тихо. Единственный свет исходил от свечи, горевшей в комнате у меня за спиной, а что до звуков, то было почти слишком тихо — то была тишина умысла, а не естественного покоя.

Это было так неожиданно, что на миг я застыла в недоумении. Потом я повела носом и тихонько рассмеялась про себя. Я ничего не видела и ничего не слышала, но Амелия Баттерворт, как большинство ей подобных, может похвалиться более чем двумя чувствами, и, по счастью, тут было что понюхать. Наспех задутая свеча оставляет после себя свидетеля для таких чутких ноздрей, как мои, и этот свидетель уверял меня, что темнота обманчива. Кто-то только что прошёл со свечой мимо начала моего коридора, и если свет погас, это ещё не значило, что тот, кто его нёс, далеко. Мне даже показалось, что я слышу чьё-то прерывистое дыхание.

— Гм, — громко сказала я, но словно бы невольно, сама с собой, — нечасто мне снятся такие яркие сны! Я была уверена, что слышу в коридоре шаги. Боюсь, я становлюсь нервной.

Ничто не шелохнулось. Никто мне не ответил.

— Мисс Ноллис! — твёрдо позвала я.

Ответа не было.

— Люсетта, милая!

Я думала, что и этот призыв останется без ответа, но когда я в третий раз возвысила голос, в коридоре что-то вдруг зашуршало, и в слабый круг света от моей быстро догоравшей свечи вбежала взволнованная Люсетта, совершенно одетая.

— Мисс Баттерворт, что случилось? — спросила она, делая движение, будто хочет увести меня обратно в комнату, чего я ей, разумеется, не позволила.

Окинув взглядом её платье — то самое, в котором она сидела за обедом, — я со смехом возразила:

— Не мне ли следует задать вам этот вопрос? На моих часах два, а вы при всей вашей видимой хрупкости всё ещё на ногах. Что это значит, моя милая? Неужели я так вас всех стеснила своим приездом, что никто из вас не может уснуть?

Глаза её, опущенные под моим взглядом, быстро поднялись.

— Мне очень жаль, — начала она, покраснев и пытаясь заглянуть ко мне в комнату — вероятно, чтобы проверить, ложилась ли я. — Мы не хотели вас потревожить, но… но… ах, мисс Баттерворт, простите нас за наши ухищрения и нашу бедность. Мы хотели приготовить для вас другую комнату и стыдились, что вы увидите, как мало нам есть чем её обставить, вот мы и переносили сегодня ночью кое-какие вещи из нашей собственной комнаты, и…

Тут голос её прервался, и она разрыдалась, почти не в силах совладать с собой.

— Не надо, — умоляла она, — не надо, — когда я, совершенно пристыженная, начала было извиняться. — Сейчас всё пройдёт. Я привыкла к унижениям. Только, — и всё её тело, казалось, присоединилось к мольбе, так оно дрожало, — пожалуйста, не говорите так громко. Брат ещё чувствительнее нас с Лорин ко всему этому, и если он услышит…

Сдавленное ругательство из дальнего конца коридора дало мне понять, что он слышит, но я ничем не показала, что заметила это, а Люсетта быстро прибавила:

— Он не простил бы нам, что мы по небрежности вас разбудили. Он бывает грубоват, но сердце у него доброе, такое доброе.

Это, вместе с тем маленьким обстоятельством, о котором я только что упомянула, вызвало во мне резкую перемену чувств. Он — добрый? Я этому не верила. Однако глаза её не дрогнули, когда я испытующе в них заглянула, и, почувствовав, что я, быть может, была ко всем ним несправедлива и что увиденное мною, как она явно давала понять, объясняется лишь их стараниями устроить нежданную гостью среди своей бедности, я сделала самое любезное лицо, на какое была способна, и поцеловала это бедное, жалкое, умоляющее личико. Меня поразило, какой холодный у неё лоб. Встревожившись ещё больше, я осыпала её всеми изъявлениями признательности, какие пришли мне на язык, и отправила её спать, наказав больше не хлопотать ни о какой другой комнате для меня.

— Только, — прибавила я, видя, как просветлело её лицо, — завтра мы пойдём к слесарю и закажем ключ. А начиная с завтрашнего вечера вы будете так добры, что распорядитесь приносить мне в комнату чашку чаю перед сном. Без чашки чаю я ни на что не годна, моя милая. Что другим не даёт уснуть, меня усыпляет.

— О, чай у вас будет! — воскликнула она с почти неестественной горячностью и, выскользнув из моих рук, ещё раз торопливо извинилась, что подняла меня с постели, и убежала.

Я протянула руку за оплывающей свечой и подняла её, чтобы посветить ей. Она словно сжалась при виде света, и последнее, что я увидела, — её стремительно удаляющаяся фигурка и на бледном лице то же выражение страха, которое привлекло моё внимание при первой нашей встрече.

«Она, быть может, и объяснила, почему все трое не спят в такой час, — пробормотала я, — но не объяснила, почему каждый её разговор приправлен страхом».

С этими мрачными мыслями я вернулась к себе, снова придвинула кровать к двери, легла и с досады тотчас крепко уснула. Для сыщицы — непростительно. Для женщины, проехавшей полдня в пыльном вагоне, — вполне естественно.

Глава VIII. На лестнице

Если о тебе говорят за дверью, не обижайся на слова. Запоминай их.

— Из правил мисс Баттерворт

Проснулась я только утром. В комнате было так темно, что я, по всей вероятности, не проснулась бы и тогда, если бы моей привычке к неукоснительной пунктуальности не помог тихий стук в дверь.

— Кто там? — откликнулась я: сказать «Войдите» я не могла, пока не отодвину кровать и не дам двери открыться.

— Ханна, с горячей водой, — ответил голос, и я поспешно встала. Ханна была та самая женщина, что прислуживала нам за обедом.

Её приятное лицо, хотя и несколько осунувшееся, было отрадой после мрачных впечатлений ночи. Обратившись к ней со своей обычной резкостью, но и с обычной своей добротой, я спросила, как чувствуют себя сегодня барышни.

Ответ её был подчёркнуто чистосердечен.

— О, как всегда, — сказала она. — Мисс Лорин на кухне, а мисс Люсетта скоро придёт спросить, как вы себя чувствуете. Надеюсь, вы и сами хорошо провели ночь, мэм.

Спала я, пожалуй, даже больше, чем следовало, и поспешила успокоить её на свой счёт. Потом, видя, что этой здоровой, крепкой женщине, которая, верно, смертельно устала от жизни в этом унылом доме, немного поговорить будет не в тягость, я под каким-то предлогом задержала её на несколько минут и сказала:

— Какой огромный дом для четырёх человек! Или у вас живёт ещё кто-то, кого я не видела?

Мне показалось, что её румянец на миг поблёк, но он тотчас вернулся, когда она ответила своим полным, сердечным голосом:

— О, я тут единственная прислуга, мэм. И стряпаю, и мету, и всё прочее. Я бы и не потерпела рядом другую. Даже мистер Симсбери — он ходит за коровой и лошадью и заглядывает сюда только пообедать — и тот меня временами раздражает. Я люблю на кухне хозяйничать сама, разве только барышни заглянут. Вам ещё что-нибудь угодно, мэм? И что вы пьёте за завтраком, чай или кофе?

Я ответила, что по утрам всегда пью кофе, и хотела было задать ещё вопрос-другой, но она не дала мне такой возможности. Выходя, она бросила взгляд на мой подсвечник. В нём был лишь наполовину сгоревший огарок. «Она тоже прикидывает, долго ли я не спала», — подумала я. Пусть прикидывает. Своих свечей я ей не показала.

Когда я спускалась, наверху лестницы стояла Люсетта.

— Вы не извините меня на несколько минут? — сказала она. — Я ещё не совсем готова идти за вами, но скоро буду.

— Я пока погляжу на сад и двор.

Мне показалось, что она на миг заколебалась, потом лицо её просветлело.

— Только смотрите, не попадитесь собаке! — воскликнула она и поспешно скрылась в боковом коридоре, которого я вчера вечером не заметила.

«Ага, отличный способ удержать меня в доме, — рассудила я. — Но двор я всё-таки осмотрю, даже если для этого придётся отравить эту собаку». Тем не менее выходить из дому я не спешила. Я не считаю нужным искушать Провидение, особенно когда речь идёт о собаке.

Вместо этого я остановилась и стала оглядывать коридоры, стараясь составить себе представление о том, как они расположены и где находится моя комната по отношению к остальным.

Я обнаружила, что главный коридор идёт под прямым углом к длинному коридору, по которому я только что пришла. Двери, выходившие в главный, были гораздо больше и гораздо лучше отделаны, чем те, мимо которых я проходила в моём коридоре, и я заключила, что лучшие спальни все выходят окнами на фасад, а меня поселили в конце того, что когда-то считалось половиной для прислуги. Справа от меня, если смотреть вниз по лестнице, тянулась стена с проёмом, похожим на вход в другой коридор. И действительно, впоследствии я узнала, что длинный ряд комнат, последней из которых была моя, повторяется с другой стороны этого огромного дома, так что дом имеет форму длинной угловатой буквы П.

Я с некоторым удивлением разглядывала этот проём и дивилась расточительному гостеприимству былых времён, которое требовало такого множества комнат в доме частного джентльмена, как вдруг услышала, что открылась дверь и заговорили два голоса. Один, грубый и беспечный, был, без сомнения, голос Уильяма Ноллиса. Другой, медленный и робкий, столь же несомненно принадлежал человеку, который накануне привёз меня сюда. Говорили они о какой-то пожилой особе, и у меня хватило здравого смысла не дать возмущению ослепить себя: под этой пожилой особой они разумели меня. Это важно, потому что слова их были не лишены значения.

— Как бы нам выставить старуху из дому, пока всё не кончится? — вот что я услышала из угрюмых уст Уильяма.

— У Люсетты есть план, — последовал едва различимый ответ. — Мне велено взять…

Больше я ничего не расслышала: закрывшаяся дверь отрезала остальное. «Старуху»! Подслушанное, как известно, не считается. Но запоминается.

Значит, в этом доме и правда происходило что-то тёмное, если не таинственное, а все попытки этих двух милых и преданных девушек скрыть это, ссылаясь на бедность, были лишь увёртками. Огорчённая за них, но втайне благодарная их более чем безрассудному брату за этот безошибочный проблеск истины, я медленно спустилась по лестнице — в том состоянии полного самообладания, какое даёт тайное знание о намерениях, которые питают против нас те, кого у нас есть причины подозревать.

Отныне у меня была лишь одна обязанность — проникнуть в тайну этого семейства. Та ли это тайна, которую подозревал мистер Грайс, или другая, менее преступная и опасная, — в моих глазах почти не имело значения. Пока на семье лежит это пятно, при упоминании её имени люди будут опускать глаза и качать головой. Этого, если только я смогу помешать, больше не будет. Если в основе всего этого страха лежит вина, то вину эту нужно вывести на свет; если невиновность… Я подумала о насупленных бровях брата и почувствовала, что с невиновностью они несовместимы. Но, вспомнив, что говорил по этому поводу мистер Грайс, тут же прочла себе нотацию и, отбросив всякие выводы, посвятила те несколько минут, что провела в столовой одна, тому, чтобы как следует подготовить ум к предстоящей задаче. А задача эта обещала быть отнюдь не из простых, если мне предстояло помериться силами с острым умом Люсетты.

Глава IX. Новое знакомство

Ешь не спеша, даже если все торопятся: первым из-за стола встаёт тот, кому есть что скрывать.
— Из правил мисс Баттерворт

Когда мой ум свободен от сомнений и твёрдо остановился на каком-нибудь образе действий, я способна на изрядное добродушие и кажущееся простодушие. Поэтому за завтраком я держалась вполне успешно, и обошлось без тех неприятностей, что накануне вечером. Возможно, дело было отчасти в том, что за кофейником на этот раз сидела Лорин, а не Люсетта. Её спокойные, ровные взгляды словно сдерживали шумные выходки, к которым Уильям был слишком склонен, а её менее впечатлительная натура меньше страдала, если он всё-таки срывался и нарушал чинную тишину своим грубым гоготом.

Ем я медленно, но мне пришлось торопиться, иначе я осталась бы за столом одна. Настроения мне это не прибавило: рисковать несварением как раз тогда, когда моим способностям нужна была особая бдительность, мне вовсе не хотелось. Я избрала средний путь: встала из-за стола голодной, но с такой улыбкой, что мисс Ноллис, думаю, и не догадалась, что так скудно я не завтракала уже много лет. Улыбка обошлась мне дороже завтрака.

— Я оставлю вас с братом на несколько минут, — сказала она, поспешно направляясь к двери. — Прошу вас, не поднимайтесь к себе, пока мы не приберём вашу комнату.

Я тотчас решила этого распоряжения не слушаться. Но сперва нужно было посмотреть, что можно вытянуть из Уильяма.

Предмет для изучения он представлял собою не слишком многообещающий. Он повернулся и повёл меня к парадной части дома.

— Я подумал, вам захочется посмотреть сад, — буркнул он, явно не радуясь отведённой ему роли. — Он такой привлекательный, — прибавил он с издёвкой. — Здешние ребятишки зовут его джунглями.

— А кто в этом виноват? — спросила я, лишь отчасти потакая его дурному нраву. — У вас самого пара крепких рук, и если бы тут подрезать да там подровнять, кусты выглядели бы совсем иначе. Джентльмен обычно гордится своей усадьбой.

— Ну да, когда она вся его. А эта принадлежит сёстрам не меньше, чем мне. Чего ради мне утруждаться?

Этот человек был так себялюбив, что даже не сознавал, до какой степени это выказывает. Напротив, он, кажется, гордился тем, что, верно, называл своей независимостью. Я почувствовала к нему сильнейшее отвращение и лишь с величайшим трудом продолжала разговор, не меняясь в лице.

— Мне кажется, помочь сёстрам хоть настолько было бы удовольствием. Они-то, по-видимому, не жалеют сил, чтобы угодить вам.

Он щёлкнул пальцами, и я испугалась, что из-за угла дома сейчас выскочит собака-другая. Но это был лишь его способ выразить презрение. Привычка, которую я запретила бы законом — по крайней мере, в домах, где держат собак.

— Да девчонки ничего, — проворчал он, — только уж больно держатся за это место. Люсетта могла бы раз шесть выйти замуж, и однажды я думал, что так оно и будет, но она вдруг ни с того ни с сего дала жениху от ворот поворот, и уж тут я взбесился, как никогда. С чего ей виснуть на мне репьём, когда есть другие охотники взять на себя эту обузу?

Более явного и более отвратительного себялюбия я в жизни не видела. Меня так покоробило, что я заговорила без особой осторожности:

— Может быть, она думает, что полезна вам. Я знавала сестёр, которые жертвовали своим счастьем и по менее веским причинам.

— Полезна? — фыркнул он. — Без такой пользы человек вроде меня прекрасно обойдётся. Знаете, чего бы мне хотелось?

Мы стояли на одной из заросших дорожек, лицом к дому. Говоря это, он поднял глаза и сделал грубый жест в сторону пустых, незанавешенных окон.

— Мне бы хотелось, чтобы этот огромный дом был весь мой, — устроил бы из него одну большую холостяцкую берлогу. Хотелось бы знать, что могу протопать из конца в конец и не разбудить ни одного эха, которого не желаю там слышать. Он не показался бы мне слишком большим. И слишком пустым тоже. Мы с моими собаками сумели бы его заполнить, правда, Сарацин? Ох, забыл, Сарацин заперт.

По тому, как он пробормотал последнюю фразу, видно было, что он недоволен, но я почти не обратила на это внимания. То, с каким злорадством он сказал, что они с собаками заполнят дом, словно перевернуло что-то у меня внутри. Я уже не просто испытывала к нему отвращение. Он внушал мне что-то вроде ужаса.

— Ваши желания, — сказала я как можно бесстрастнее, — по-видимому, совсем не принимают в расчёт ваших сестёр. Как отнеслась бы к этому ваша мать, если бы могла видеть вас оттуда, куда она ушла?

Он повернулся ко мне в таком гневе, что черты его стали просто безобразны.

— С какой стати вы заговорили со мной о матери? Разве я говорил с вами о ней? Есть какая-то причина тащить мою мать в этот разговор? Если есть, так и скажите, и будь…

Выругаться при мне он не посмел, но был на волосок от этого, и этого было довольно, чтобы я отшатнулась.

— Она была моей подругой, — сказала я. — Я знала и любила её ещё до того, как вы родились. Потому я о ней и заговорила, и, по-моему, это вполне естественно.

Ему, кажется, стало стыдно. Он пробурчал какое-то извинение и беспомощно огляделся — вероятно, в поисках собаки, которую явно привык видеть вечно у своих ног. Я воспользовалась этой минутной рассеянностью, чтобы вернуть лицу прежнее спокойствие.

— Она была красавицей, — заметила я, рассудив, что, раз уж лёд сломан, медлить с прыжком в воду не следует. — А ваш отец был так же хорош собой — для мужчины?

— Отец… да, давайте поговорим об отце. Вот кто знал толк в лошадях! Когда он умер, в конюшне стояли три кобылы, равных которым не сыщешь по эту сторону Олбани, но эти черти душеприказчики их продали, и я… ну, вы вчера имели случай испытать резвость старушки Бесс. Вы, надо думать, не боялись вылететь из коляски. Чёрт возьми, подумать только: у человека с моими вкусами нет другой лошади, кроме этой!

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнила я, увлекая его за собой к калитке.

— А, насчёт того, каков был отец собой! Какая разница? Хотя красив он был. Говорят, какая ни есть у меня внешность — вся от него. Он был большой — больше меня, и пока он был жив… Зачем вы заставляете человека говорить?

Не знаю, зачем я это делала, но результат меня определённо поразил. Эта громадная глыба себялюбивой глины в самом деле обнаружила чувство — и устыдилась его, как истинный увалень.

— Вчера, — сказала я, желая переменить тему, — мне было трудно пройти через ту калитку, к которой мы направляемся. Нельзя ли её поправить? Совсем небольшое усилие.

Он остановился, посмотрел на меня — всерьёз ли я, — потом упрямо шагнул к калитке, на которую я всё ещё указывала решительной правой рукой, но, не успев до неё дотронуться, заметил что-то на пустынной и зловещей дороге и вздрогнул от неожиданности.

— Как, Тром, это вы? — воскликнул он. — Да вы целую вечность не сворачивали из-за того угла, чтобы к нам заглянуть.

— Давненько, это верно, — ответил сердечный, приятный голос, и не успела я сменить строгое выражение лица, которым старалась пристыдить молодого человека и пробудить в нём хоть какой-то пристойный интерес к усадьбе, на более подобающий вид дамы, застигнутой ранним утром за обрыванием цветов с чахлого жасмина, как по ту сторону ограды показался джентльмен — с таким добродушным и лишённым всякой таинственности видом и поклоном, что я впервые с тех пор, как вступила в мрачные пределы этого городка, испытала явное удовольствие.

— Мисс Баттерворт, — пояснил мистер Ноллис, несколько принуждённо указав на меня. — Гостья моих сестёр, — продолжал он с таким видом, будто надеялся, что я удалюсь. Мистера Трома, однако, он не пригласил войти, а, напротив, довольно демонстративно облокотился на калитку, словно желая показать, что у того, по его мнению, и в мыслях нет ничего, кроме как перекинуться у калитки парой соседских слов.

Я люблю угождать молодым, даже когда они не приятнее моего угрюмого хозяина, и будь показавшийся джентльмен столь же юн, я непременно оставила бы их договорить без помех. Но он не был юн. Он был старше; он был даже в таких летах, когда суждения вполне созрели и все способности развились. Поэтому я не видела, почему моё общество должно казаться ему навязчивым, и осталась. Следующая его фраза была обращена ко мне.

— Счастлив, — сказал он, — что имею удовольствие быть лично представленным мисс Баттерворт. Я этого не ожидал. Тем приятнее неожиданность. Я рассчитывал лишь оставить этот пакет и письмо у служанки. Они адресованы вам, мадам, и по ошибке были оставлены у меня.

Я не смогла скрыть удивления.

— Я живу в следующем доме, ниже по дороге, — сказал он. — Мальчишка, который принёс их с почты, оказался бестолковым, и я никак не мог уговорить его пройти дальше по дороге. Надеюсь, вы простите нынешнего посланца и поверите, что задержки не было.

Я поклонилась, вероятно, с несколько рассеянной учтивостью. Письмо было из Нью-Йорка и, как я сильно подозревала, от мистера Грайса. Почему-то это обстоятельство явно меня смутило. Я положила и письмо, и пакет в карман и постаралась встретить взгляд джентльмена с обычной своей непринуждённостью в присутствии незнакомых людей. Но, как ни странно, едва я это сделала, как увидела, что ему не легче, чем мне. Он улыбался, поглядывал на Уильяма, бросил мимоходом замечание-другое о погоде, но обмануть глаза, изощрённые таким опытом, как мой, не мог. Что-то его тревожило, что-то, связанное со мной. Признаться в этом даже самой себе было немного стыдно, у меня зарделись щёки, но это было так очевидно, что я начала прикидывать, как бы нам избавиться от Уильяма, когда этот увалень вдруг заговорил:

— Небось побоялся идти в переулок. А знаете, Тром, по-моему, вы храбрец, что решились. Слава у нас тут не из лучших.

И вдруг, совершенно неестественно, он разразился своим громовым хохотом, от которого старая калитка, на которую он облокотился, так затряслась, что я думала, она вот-вот рухнет вместе с ним у нас на глазах.

Я видела, как мистер Тром вздрогнул и бросил на него взгляд, в котором мне почудились и удивление, и ужас, а потом повернулся ко мне и с видом вежливого сожаления озабоченно сказал:

— Боюсь, мисс Баттерворт не поймёт ваших намёков, мистер Ноллис. Я слышал, она впервые у нас в городке.

Его манера выдавала больше чувства, чем, казалось бы, требовал случай, и я поспешила ответить, что хорошо знакома с преданием о переулке и что само его название говорит о том, что здесь случилось.

На лице его тотчас отразилось облегчение.

— Рад, что вы так хорошо осведомлены, — сказал он. — Я боялся, — тут он снова бросил на Уильяма очень странный взгляд, — что ваши юные друзья из деликатности не решились рассказать вам то, что отпугнуло бы большинство гостей от такой пустынной дороги. Поздравляю вас с их предусмотрительностью.

Уильям поклонился, словно в словах собеседника не было иного смысла, кроме явного. Был ли он так туп или он… Я не успела додумать даже про себя, потому что в эту минуту позади нас раздался короткий крик, и к нам, в крайнем волнении, подбежала лёгкая фигурка Люсетты.

— А, — с видом глубокого почтения проговорил мистер Тром, — ваша сестра, мистер Ноллис. Мне лучше пойти дальше. Доброе утро, мисс Баттерворт. Сожалею, что обстоятельства не позволяют мне оказать вам те знаки внимания, каких вы вправе ожидать от столь близкого соседа. Мы с мисс Люсеттой на ножах из-за одного дела, в котором, я по-прежнему утверждаю, виновата она. Смотрите, как она возмущена уже тем, что я стою у её калитки.

Возмущена! Я сказала бы — в ужасе. Ничто, кроме страха — её всегдашнего страха, обострившегося до того, что всякая попытка скрыть его стала невозможной, — не могло объяснить её белого, осунувшегося лица и дрожи во всём теле. Она выглядела так, словно у неё была одна мысль: «Успела ли я?»

— Чему… чему мы обязаны честью этого визита? — спросила она, становясь рядом с Уильямом, словно хотела присоединить свою хрупкую фигурку к его громоздкой, чтобы не впустить непрошеного гостя.

— Ничему, что должно бы вас встревожить, — ответил тот, и в его добром, бархатном голосе прозвучала многозначительная нотка. — Сегодня утром мне неожиданно доверили письмо для вашей любезной гостьи, и я пришёл лишь затем, чтобы его передать.

Её удивлённый взгляд перешёл с него на меня, и я сунула руку в карман и достала только что полученное письмо.

— Из дому, — сказала я, не подумав как следует, что это отчасти неправда.

— О! — пробормотала она, словно убеждённая лишь наполовину. — Уильям мог бы сходить за ним, — прибавила она, всё ещё с жалкой тревогой глядя на мистера Трома.

— Я был только рад, — сказал тот с низким, успокоительным поклоном. Потом, словно поняв, что её волнение утихнет лишь с его уходом, приподнял шляпу и отступил на открытую дорогу. — Больше я не стану докучать вам, мисс Ноллис, — сказал он на прощание. — Если вам что-нибудь понадобится от Обадайи Трома, вы знаете, где его найти. Его двери всегда для вас открыты.

Люсетта, вздрогнув, положила руку брату на руку, словно хотела удержать слова, которые, как она видела, медленно складывались у него на губах, и, затаив дыхание, подавшись вперёд, следила за статной фигурой этого безупречного сельского джентльмена, пока та совсем не скрылась из виду. Потом обернулась и, разом утратив всякое самообладание, с жалобным жестом в сторону брата вскричала: «Я думала, всё кончено; я боялась, что он хочет войти в дом!» — и упала к нашим ногам, недвижная и словно бездыханная.

Глава X. Тайные указания

Совет «никому не доверяй» относится и к тому, кто его даёт. Но говорить ему об этом не обязательно.
— Из правил мисс Баттерворт

С минуту мы с Уильямом стояли над этой хрупкой распростёртой фигуркой и смотрели друг на друга. Потом он нагнулся, с неожиданной заботливостью поднял сестру на руки и понёс к дому.

— Люсетта дура, — вдруг крикнул он, остановившись и быстро глянув на меня через плечо. — Раз люди боятся этой дороги и бывают у нас редко, она стала до глупости бояться гостей. Она даже была против вашего приезда, пока мы ей не растолковали, как глупо думать, будто мы всегда сможем жить тут отшельниками. А ещё она не любит мистера Трома: считает, что он со мной слишком уж по-приятельски, — как будто это её дело. Я что, идиот? Ума у меня нет? Я что, сам не могу присмотреть за своими делами и сберечь свои секреты? Глупая, слабая девчонка — хлопается в обморок, когда, чёрт побери, нам и без того есть за чем смотреть, а тут ещё её выхаживай и… Я хочу сказать, — поправился он с видом вежливой предупредительности, настолько не вязавшейся с его обычной грубостью, что это не могло не броситься в глаза, — что вряд ли такие происшествия добавляют удовольствия вашему визиту.

— Обо мне не беспокойтесь! — отрезала я. — Несите бедняжку в дом. Я за ней присмотрю.

Но Люсетта, словно услышав эти слова и испугавшись их, очнулась у брата на руках и рывком встала на ноги.

— Ах, что со мной было? — вскричала она. — Я что-нибудь говорила? Уильям, я что-нибудь говорила? — исступлённо спрашивала она, в ужасе цепляясь за брата.

Он взглянул на неё и оттолкнул.

— О чём ты? — крикнул он. — Можно подумать, тебе есть что скрывать.

Она мгновенно овладела собой.

— Я самая слабая в семье, — сказала она, подойдя прямо ко мне и ласково взяв меня под руку. — Я всю жизнь болезненная, и такие приступы со мной не впервые. Иногда я думаю, что умру во время одного из них. Но мне уже совсем хорошо, — поспешно прибавила она, видя, что я не могу скрыть тревоги. — Смотрите! Я прекрасно иду сама.

И она не то взошла, не то взбежала по нескольким низким ступенькам крыльца, к которому мы тем временем подошли.

— Не говорите Лорин, — попросила она, когда я вошла за ней в дом. — Она так за меня тревожится, а пользы от этого никакой.

Уильям зашагал к конюшне. Мы остались одни. Я повернулась и положила палец ей на руку.

— Моя милая, — сказала я, — я никогда не даю опрометчивых обещаний, но на меня можно положиться: я никогда не пренебрегу чьим-нибудь желанием без нужды. Если я не увижу веской причины рассказывать вашей сестре об этом обмороке, я, разумеется, промолчу.

Мой тон, если не слова, видимо, её тронул.

— Ах, — воскликнула она, схватив мою руку и сжимая её, — если бы я смела рассказать вам о своих бедах! Но это невозможно, совершенно невозможно.

И прежде чем я успела попросить её довериться мне, она исчезла, оставив меня в обществе Ханны, которая в эту минуту возилась с чем-то в другом конце прихожей.

Мешать Ханне сейчас мне не хотелось. Мне нужно было прочесть письмо, и я не желала, чтобы меня тревожили. Поэтому я проскользнула в гостиную и плотно закрыла дверь. Потом вскрыла письмо.

Оно было, как я и думала, от мистера Грайса и гласило:

«Дорогая мисс Баттерворт!

Ваша решимость меня изумляет, но раз уж желание навестить друзей заставляет Вас бросить вызов опасностям Переулка пропавших, позвольте предложить Вам некоторые меры предосторожности.

Первое. Никому не доверяйте.

Второе. Никуда не отправляйтесь одна или пешком.

Третье. Если Вам будет грозить опасность и Вы окажетесь в положении действительно рискованном, один раз пронзительно свистните в свисток, который я прилагаю. Если же опасность невелика или Вы хотите лишь привлечь внимание тех, кому будет поручено за Вами присматривать, свистите коротко, резко и повторно: дважды — чтобы позвать на помощь, трижды — чтобы привлечь внимание.

Советую Вам носить свисток на шее так, чтобы его легко было достать.

Я советовал Вам никому не доверять. Мне следовало бы сделать исключение для мистера Трома, но не думаю, что Вам представится случай с ним поговорить. Помните: всё зависит от того, чтобы не возбудить подозрений. Если же Вам понадобится совет или Вы захотите что-нибудь сообщить мне или человеку, который тайно ведёт это дело в Х., воспользуйтесь первой же возможностью поехать в городок и отправляйтесь прямо в гостиницу, где спросите номер 3. Он оставлен за Вами, и как только Вас туда проводят, ждите посетителя: это и будет тот, кто Вам нужен.

Как видите, на Ваше суждение полагаются всецело».

Подписи не было — она и не требовалась, — а в пакете, пришедшем с письмом, лежал свисток. Я была рада его видеть и рада узнать, что в своём несколько рискованном предприятии я осталась не совсем без защиты. Последняя же фраза письма доставила мне особенное удовольствие: мистер Грайс наконец признал то, что я знала всегда.

Утренние события были так неожиданны, что до этой минуты я совсем забыла о своём решении подняться к себе прежде, чем там что-нибудь успеют изменить. Вспомнив о нём теперь, я направилась к лестнице и не остановилась, хотя и слышала, как Ханна зовёт меня назад. И в результате я с разгону налетела на мисс Ноллис, которая шла по коридору с подносом в руках.

— Ах, — воскликнула я, — в доме кто-то болен?

Нападение было слишком внезапным. Я видела, как она отшатнулась и на миг замешкалась с ответом. Потом ей на помощь пришло природное самообладание, и она невозмутимо сказала:

— Вчера мы все допоздна не ложились, вы же знаете. Нам нужно было поесть.

Я приняла объяснение и больше ничего не сказала. Но, проходя мимо, я заметила на этом подносе с едой, якобы отнесённой наверх прошлой ночью, недоеденную порцию одного блюда, которое подавали нам за завтраком, и оставила за собой право усомниться в полной правдивости её слов. Для меня этот недоеденный завтрак был неопровержимым доказательством того, что в доме есть кто-то, о чьём присутствии мне знать не полагалось, — мысль при подобных обстоятельствах не из приятных, но установить этот факт было очень важно. Я чувствовала, что этим открытием ухватилась за нить, которая со временем выведет меня из лабиринта этой тайны.

Мисс Ноллис, спускавшаяся вниз, позвала Ханну, чтобы та забрала поднос, а сама вернулась и поманила меня к двери, которая вела в одну из комнат по фасаду.

— Это будет ваша комната, — объявила она, — только не знаю, удастся ли переселить вас сегодня.

Она была так спокойна, так безупречно владела собой, что я не могла ею не восхищаться. Люсетта покраснела бы и засуетилась, а Лорин стояла прямо и невозмутимо, словно никакая беда не давила ей на сердце, а слова её были так же незначительны, как казались.

— Не огорчайтесь, — сказала я. — Я уже говорила вчера Люсетте, что мне вполне удобно и что менять комнату я не хочу. Мне жаль, что вы сочли нужным беспокоиться из-за меня прошлой ночью. Прошу вас, не делайте этого больше. Женщина вроде меня скорее потерпит маленькие неудобства, чем станет переезжать.

— Очень вам признательна, — сказала она и тотчас отошла от двери. Пожалуй, в конце концов суетливость Люсетты мне милее невозмутимого самообладания Лорин.

— Не велеть ли заложить для вас карету? — вдруг спросила она, когда я повернула к коридору, ведущему в мою комнату.

— Карету? — переспросила я.

— Я подумала, что вам, может быть, захочется проехаться в городок. Мистер Симсбери сегодня утром свободен. Жаль, что ни Люсетта, ни я не сможем вас сопровождать.

Я вспомнила, что этот самый мистер Симсбери говорил о плане Люсетты, и заколебалась. Им явно хотелось, чтобы я провела утро где угодно, только не с ними. Уступить им или найти предлог остаться дома? У того и другого были свои трудности. Если я уеду, чего только не случится в моё отсутствие! Если останусь, каких подозрений не возбужу! Я решила избрать средний путь: отправиться в городок, даже если я туда не доеду.

— Я колеблюсь, — сказала я, — из-за двух-трёх довольно грозных облаков на востоке. Но если вы уверены, что мистер Симсбери свободен, я, пожалуй, рискну. Мне очень хочется заказать ключ к своей двери, да и прокатиться за городом так приятно.

Облака, признаться, были самые безобидные. Но двух-трёх облаков на небе всегда довольно, чтобы колебаться, когда это нужно.

Мисс Ноллис поклонилась и тотчас спустилась вниз. Я в некотором сомнении направилась к себе. «Не смотрю ли я на все эти происшествия в слишком уж сильное увеличительное стекло?» — подумала я. Это было вполне возможно, но не настолько, чтобы я не бросала весьма любопытных взглядов на закрытые двери, мимо которых мне нужно было пройти к своей. Самой малости хватило бы, чтобы мне захотелось их подёргать. Самой малости — то есть в придачу ко всему прочему, что казалось мне необъяснимым.

Постель моя оказалась застелена, и всё было в образцовом порядке. Мне оставалось лишь собраться. Собралась я быстро и спустилась вниз, пожалуй, раньше, чем меня ждали. Во всяком случае, Люсетта и Уильям, увидев меня, очень поспешно разошлись: она — в слезах, он — упрямо пожав плечами и бросив что-то вроде:

— Дура ты, что так убиваешься. Раз уж надо, так чем скорее, тем лучше. Не видишь разве, что с каждой минутой у нас всё меньше надежды это скрыть?

Мне тут же захотелось передумать и остаться. Но привычку всей жизни нелегко сломать. Я не отступила от первоначального решения.

Глава XI. Мужчины, женщины и призраки

Хочешь узнать, что думают о тебе в маленьком городке, — закажи ключ. Слесарь расскажет всё, кроме одного: когда он придёт.
— Из правил мисс Баттерворт

Когда я садилась в коляску, мистер Симсбери отвесил мне весьма любезный поклон. Это позволило мне без труда спросить:

— Рано же вы сегодня на месте. Вы ночуете у Ноллисов?

В его взгляде мелькнула едва заметная подозрительность.

— Я живу вон там, — сказал он, указав кнутом через лес в сторону большой дороги. — Хожу сюда завтракать через болото. Старуха моя говорит: раз они мне должны три кормёжки, так все три я и получать должен.

Это была самая длинная фраза, которой он меня удостоил. Найдя его в разговорчивом настроении, я приготовилась быть любезной, и он, кажется, это оценил: засопел и с подчёркнутым вниманием занялся лошадью, которую старательно разворачивал.

— Зачем вы едете туда? — запротестовала я. — Разве это не самый длинный путь до городка?

— Так я привык, — сказал он. — Но можно и другой дорогой, коли хотите. Может, мельком увидим дьякона Спира. Он, знаете ли, вдовец.

Ухмылка, с которой он это сказал, была невыносима. Я вскинула голову — впрочем, нет, не признаю, чтобы я хоть чем-то показала, что поняла его. Я просто выразила желание ехать прежней дорогой. Вдовцы, должна заметить, никогда не входили в число достопримечательностей, ради которых я сворачиваю с пути.

Он тотчас подхлестнул лошадь, чуть не рассмеявшись вслух. Я начала думать, что этот человек способен почти на любое злодейство. Однако ему пришлось вдруг натянуть вожжи. Прямо у нас на пути стояла согнувшаяся женщина. Она не шевельнулась, когда мы приблизились, и нам ничего не оставалось, как остановиться. Только когда морда лошади коснулась её плеча, она двинулась с места. Тогда она выпрямилась и посмотрела на нас с некоторым возмущением.

— Вы нас не слышали? — спросила я, желая завязать разговор со старухой, в которой без труда узнала Матушку Джейн.

— Она глухая — глухая как пень, — пробормотал мистер Симсбери. — Кричи не кричи, толку нет.

Тон у него был резкий, однако я заметила, что он с большим терпением ждал, пока она проковыляет в сторону.

Тем временем я с большим интересом наблюдала за старухой. Лицо у неё было необычное, и держалась она необычно. Она была седая, беззубая, изнурённая и согбенная, но не заурядная, не из тех старух, каких полно на деревенских крылечках. В её старческих движениях чувствовалась сила, а во взглядах, которые она бросала на нас, медленно отступая с дороги, — яркая своеобычность.

— Говорят, она слабоумная? — спросила я. — По-моему, она вовсе не похожа на дурочку.

— А вы послушайте, — сказал он. — Видите, бормочет? Всё время сама с собой разговаривает.

И действительно, губы её шевелились.

— Я её не слышу, — сказала я. — Подзовите её поближе. Почему-то эта старуха меня занимает.

Он тут же поманил старуху, но с тем же успехом мог бы манить дерево, к которому она прижалась. Она не ответила и ничем не показала, что поняла его жест. Однако глаз с наших лиц не сводила.

— Ну-ну, — сказала я, — она, видно, не только глуха, но и бестолкова. Поезжайте.

Но не успел он дёрнуть вожжи, как я заметила у домика, в нескольких шагах впереди, кустики болотной мяты и с живостью указала на них:

— Да ведь это та самая трава, которую мне хотелось увезти домой! Как вы думаете, даст она мне пучок, если я заплачу?

Он с готовностью крякнул и снова остановил лошадь.

— Коли сумеете ей растолковать, — сказал он.

Я решила, что попытаться стоит. Хотя мистер Грайс потрудился сказать мне, что вреда от этой женщины нет и что при расспросах, которые мне, быть может, придётся вести, её можно даже не принимать в расчёт, я помнила, что мистер Грайс порой ошибался как раз в подобных вещах и что Амелии Баттерворт приходилось тогда его поправлять. Если такое случилось однажды, отчего бы не случиться и дважды? Во всяком случае, я не собиралась упускать ни малейшей возможности познакомиться с обитателями этого переулка. Разве не сам он говорил, что только так можно напасть на след, ускользнувший от всех открытых поисков?

Зная, что вид денег — самый сильный призыв для того, кто живёт в такой беспросветной бедности, как эта женщина, призыв, от которого слепые прозревают, а глухие начинают слышать, я достала кошелёк и подняла перед ней серебряную монету. Она подскочила, словно её подстрелили, а когда я протянула ей монету, жадно подошла и встала у самых колёс, глядя вверх.

— Вам, — показала я, сначала махнув рукой в сторону растения, привлёкшего моё внимание.

Она перевела взгляд с меня на траву и быстро, понимающе кивнула. Она словно в одно мгновение сообразила, что я приезжая, городская дама, у которой с этим скромным растением связаны деревенские воспоминания, и, бросившись к нему с той же быстротой, с какой только что подбежала к коляске, нарвала несколько веточек и принесла мне, протягивая руку за деньгами.

Такой жадности я ещё не видела, и, думаю, даже мистер Симсбери был поражён этим доказательством её бедности — или скупости. Я склонялась ко второму: по её дородной фигуре никак нельзя было сказать, что она голодает или терпит небрежение. На ней было приличное ситцевое платье, а трубку она, очевидно, недавно набивала: от неё пахло табаком. И в самом деле, как я потом услышала, добрые жители Х. никогда не давали ей нуждаться. И всё же пальцы её сомкнулись на монете так, словно в ней было всё её спасение, а в глазах вспыхнул такой огонёк, что она стала казаться почти молодой, хотя ей было лет восемьдесят, не меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.